

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

ПОБЕГ НА РЫВОК

АЗБУКА

Книга вторая. ПРИЗРАКИ ОЙКУМЕНЫ

Ойкумена

Генри Олди

Призраки Ойкумены

«Автор»

2015

Олди Г. Л.

Призраки Ойкумены / Г. Л. Олди — «Автор»,
2015 — (Ойкумена)

Свет клином сошелся на Диего Перале, скромном учителе фехтования. Великая Помпилия, империя людей-волков, ставит ультиматум: сотрудничество или рабство? Хладнокровные гематры, люди-компьютеры, теряют самообладание, едва речь заходит о маэстро: спасать или ликвидировать? Гений-профессор готов на все, лишь бы Диего позволил себя изучить. Мертвая девушка кричит в космосе: где ты, сеньор Пераль? Стая хищных бестий рыщет на просторах галактики: где ты, сеньор Пераль?! Что остается маэстро? Как в пьесах его знаменитого отца – рапира, месть, любовь. Впрочем, рапира уже не вполне рапира, месть – не вполне месть, и лишь любовь остается прежней. Новая книга Олди – очередное погружение читателя в фантастические миры Ойкумены.

© Олди Г. Л., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Пролог	5
Часть 1	9
Глава первая	9
Контрапункт	25
Глава вторая	27
Контрапункт	40
Глава третья	42
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Генри Лайон Олди

Призраки Ойкумены

Пролог

Король:

*Мы – пуп земли, мы – центр мирокруженья,
И физика тут вовсе ни при чем:
Да, вы вольны озвучить возраженья,
А мы вольны послать за палачом!*

Народ:

*У палачей – здоровый цвет лица.
Досмотрим же спектакль до конца!*

Луис Пераль, «Колесницы судьбы»

– Ничего не меняется, – сказал Монтелье.

Режиссер обвел таверну выразительным взглядом:

– Решительно ничего. Вы, я, трое головорезов...

Луис Пераль осторожно кивнул. Он не знал, зачем великий Монтелье – человек, чья жизнь расписана по минутам – прилетел на Тетрафиму, даже не соизволив предупредить драматурга о своем визите. Сколько лет ограничивался перечислением роялти на банковский счет «el Monstruo de Naturaleza», да еще поздравительными эпистолами на день рождения, написанными лаконичным пером секретаря, и вдруг – на тебе! Сеньор Пераль не любил сюрпризов. Сюрпризы превращали его в человека исключительной осмотрительности.

– Те же самые? – Монтелье кивнул на троицу за угловым столиком. – Это с них вы писали Живоглота, Мордокрута и Ухореза?

– Шутите? – улыбнулся Пераль.

– И в мыслях не держал!

Такой ответ дорогого стоил в устах телепата.

– Те красавцы давно умерли. Люди их профессии долго не живут.

– Люди вообще долго не живут, – мрачно заметил режиссер. Сегодня он был склонен к меланхолии. – Вы плохо выглядите, сеньор Пераль. Я тоже плохо выгляжу.

– Возраст, – согласился драматург. – Проклятые годы.

– Хотите сказать, что я вам в отцы гожусь?

– Отец-телепат? – брови Луиса Пералья взмыли на лоб.

Всю осмотрительность драматурга как водой смыло. Острый язык пулей вылетел на авансцену:

– Спаси меня Господь от такого кошмара!

Монтелье протянул руку, длинную и тощую, словно заградительный шлагбаум. Взяв кувшин, режиссер разлил вино по кружкам. На скатерть сорвалась багровая капель, расплылась пятнами. Некоторое время Монтелье изучал пятна с таким пристальным вниманием, что впору было поверить: это тесты на ассоциативное мышление, от которых зависит карьера режиссера.

Карты, подумал драматург. Гадалка над картами. Луис Пераль ничего не знал о пятнах, которые тесты, но в картах он разбирался. Да и в гадалках, если честно. Между столов бродила судьба, старая волчица-судьба: мокрой шкурой воняло так, что глаза слезились.

– Я действительно гожусь вам в отцы, – Монтелье отхлебнул вина, забыв произнести тост. – Это чистая правда. В Ойкумене живут дольше, сеньор Пераль. И сохраняются лучше.

Впрочем, Тетрафима – член Галактической Лиги, а значит, Ойкумены. Со временем у вас возрастет продолжительность жизни. Продолжительность и качество, да.

– Я порадуюсь этому из могилы, – согласился Пераль.

– И я, – Монтелье допил кружку залпом. – Значит, прежние головорезы умерли? Мир их буйному праху. А эти? Вы же не станете упрашивать меня, чтобы я подверг их ментальному насилию?

– Без разрешения? – ужаснулся Луис Пераль. – Без нотариального заверения? Без акта, подписанного телепатом-свидетелем?! Лицензия первой категории... Да что вы такое говорите, сеньор Монтелье! За кого вы меня принимаете?!

– У вас прекрасная память, – буркнул режиссер.

Он вновь обратил лицо к угловому столику, и головорезы встали. Три правых руки легли на эфесы шпаг. Три левых руки закрутили усы винтом. Три смачных плевок шлепнулись на пол, строго на середине пути от жрецов искусства к рыцарям плаща и кинжала.

– Сеньор Пераль! – хором возгласила троица. – Досточтимый сеньор Пераль!

– Я вас слушаю, господа, – драматург скромно привстал.

– Этот сеньор вас обременяет?

– А если я скажу да, господа?

– Не утруждайтесь, сеньор Пераль! Вы только бровью поведите, и этот сеньор пожалеет, что родился на свет. Вам его нашинковать ломтиями? Нашпиговать чесночком?

– Заманчивое предложение, друзья мои. Увы, я вынужден отказаться. Этот сеньор – мой благодетель. Отец моей славы, добрый гений моего кошелька. Согласитесь, таких людей не шинкуют без веской причины. Хозяин! Вина благородным сеньорам! Лучшего вина из здешних подвалов! За мой счет!

– Виват Чуду Природы! – гаркнула троица. – Виват!

– Не те, – констатировал Монтелье, с интересом наблюдая за ситуацией. – Жаль. Сейчас бы они стали миллионерами. Продали бы права на мемуары: «Как я служил прототипом»... Хотите знать, зачем я прилетел, сеньор Пераль? Я привез вам два предложения. На первое вы не сможете согласиться. От второго не сможете отказаться.

Возле стола возник папаша Лопес: двести фунтов чистейшего добродушия. Тарелки, миски, блюдца вспорхнули с рук хозяина стаей дроздов – и опустились на стол, не задев друг друга. Куда там! – они даже не брякнули о кружки с кувшином.

– Что это? – спросил Монтелье.

– Свиные ножки, – доложил папаша Лопес. – Душистый перчик, лавровый листик, бутончик гвоздички. Чесночок, морковушка, сельдерейчик. Варим до готовности, запекаем, кушаем. Я бы сказал: кушенькаем.

– А это?

– Свиные уши.

– Перчик, листик?

– Сеньор кулинар? Добавьте обжарку в меду, и дело в шляпе!

– Но ведь это очень вредно для здоровья!

– Очень, сеньор!

– Вы уверены?

– Никаких сомнений, сеньор! Вредней не сыщете!

– Великий Космос! – Монтелье пальцами взял ломтик жареного уха, принялся. По лицу его, мрачному лицу циника и тирана, бродила детская улыбка. – Как же это все вредно! А я-то думал, за каким чертом лечу в вашу дыру...

– Дыра, сеньор! – возликовал папаша Лопес. – Исключительная дыра!

– В этой дыре, – добавил Луис Пераль, – я праздновал свой юбилей. Суеверие, знаете ли. Здесь все началось, здесь и закончится. В «Гусе и Орле» однажды справят поминки по вашему

покорному слуге. Мы, шуты гороховые, суеверны сверху донизу. Уронив страницу с текстом, я до сих пор становлюсь на колени поверх оброненного. Представляете? А ведь у меня докторская степень...

Монтелье грозовой тучей навис над свиными ножками. Обобщение «мы, шуты» не понравилось режиссеру.

– Под дырой, – заметил он, – я имел в виду всю Тетрафиму. Сверху, как вы изволили заметить, донизу. Но если сеньоры настаивают...

– Настаиваем! – подтвердили хозяин и драматург.

– Настаиваем! – грянула троица из угла.

– ...то кто я такой, чтобы спорить?

Воцарилось молчание, нарушаемое чавканьем и чмоканьем.

– Итак, предложения, – прошло немало времени, прежде чем режиссер откинулся на спинку стула. – Сеньор Пераль, ко мне обратились «Мохенович и внуки». Они хотят новеллизацию «Колесниц судьбы». Имеется в виду художественный текст, написанный по мотивам фильма...

Пераль улыбнулся:

– Я в курсе, что значит новеллизация.

– Но вы не в курсе, что планируется сериал. Фильма не хватит, и вашей пьесы не хватит. Надо будет привлекать дополнительные сюжетные ресурсы. Итак, первое предложение: вы возьметесь писать новеллизацию?

– Нет. Я драматург, а не прозаик.

– Деньги вас убедят?

– Нет.

– Я так и знал.

– Но вы продадите права на создание новеллизации?

– Да.

– С предложениями все. Условия контракта мы обсудим дополнительно. Я летел сюда не за этим, сеньор Пераль. Скажите, как поживает ваш сын?

– Поживает, сеньор Монтелье. Все еще поживает.

– Вы правы. Поживает, и это повод для отцовской радости. Сеньор Пераль, я в курсе проблем вашего сына. Страсть, месть, бегство, погоня...

– Вы хотите мне посочувствовать?

– Нет.

– Хотите выразить свое сочувствие моему сыну?

– Нет. Моя профессия – жестокая профессия.

– Тогда чего же вы хотите?

– Я предлагаю сделать историю Диего Пералья частью будущей новеллизации. Сиквел «Колесниц судьбы». Судьба отца и сына, как переключка через тридцать лет. Это лучший сюжетный ход из всех, мне известных. Если вы согласитесь, я уже сегодня начну думать над новой визуализацией. Книга не написана, мы даже не знаем, кто возьмется ее писать, но клянусь вам, сеньор Пераль... Это будет бомба в мире арт-транса. Вам нравится название «Тридцать лет спустя»?

Луис Пераль поднялся из-за стола:

– Господа! Минуточку внимания!

– Виват Чуду Природы! – откликнулись головорезы.

– Господа, вы предлагали мне нашинковать ломтями этого сеньора. Предложение остается в силе?

– Обижаете, сеньор Пераль! В любой момент!

– Благодарю вас, друзья мои! В случае необходимости вы будете первыми, к кому я обращусь за содействием. Итак, сеньор Монтелье, – драматург наклонился к режиссеру близко-близко, едва не упершись лбом в лоб телепата. Казалось, «el Monstruo de Naturaleza» желал перекачать мысли собеседнику напрямую, кратчайшим путем, – вы прилетели на Террафиму, чтобы уговорить меня продать вам жизнь моего сына. Дьявольское искушение, право слово! Вы – сам сатана, приятель! И знаете, что? Я согласен! Но при одном условии...

Монтелье отстранился:

– Я весь внимание.

– Финал, – сказал Луис Пераль. – Никаких трагедий, ясно? Кто бы ни писал, кто бы потом ни ставил – никаких трагедий. Финал я напишу лично. И вы скорее лопнете, чем измените в нем хотя бы запятую!

– Допустим, – кивнул Монтелье.

– Мы зафиксируем наш уговор в контракте? Я настаиваю.

– Допустим. Но что, если судьба распорядится иначе?

– Судьба?

Луис Пераль взялся за кружку, как за шпагу:

– Кто она, ваша судьба? – белое руно волос драматурга стояло дыбом. Так встает шерсть у волка на загривке. – Продюсер? Директор театра?! Бог из машины?! Повторяю: финал я напишу сам, и черт ее дери, вашу судьбу!

– Суеверие? – спросил Монтелье.

– Если угодно.

– Мы, шуты... – начал было режиссер.

Замолчав, он потянулся за вином. Больше всего на свете Монтелье сейчас хотелось узнать, о чем думает Пераль-старший. Закон удерживал телепата в рамках приличий, закон и этика, и самодисциплина, годами упражнений превращенная в сталь. Но был миг, когда Монтелье едва не плюнул на все ограничения.

Был и прошел.

Часть 1

Китта

Глава первая

Одна девушка и миллион проблем

I

Колесницы судьбы

(совсем недавно)

За два года нелегальных перевозок коллант, в котором летал Гиль Фриш, совершил пятьдесят три рабочих рейса. Сбой случился лишь однажды: пассажира не удалось вытащить в большое тело. Редчайший случай, как выяснилось позже. Врожденная невосприимчивость к пси-воздействиям; вероятность – один на миллион триста семьдесят тысяч. Пассажир не пострадал, аванс был возвращен с глубочайшими извинениями, а патрон изыскал другой способ тайно переправить клиента в пункт назначения.

О последнем Гилю Фришу, понятное дело, никто не докладывал. Но Гиль и так знал: у патрона всегда имеется запасной план. Не в правилах Луки Шармалья терять клиентов и портить себе деловую репутацию. Фриш умел добывать информацию косвенными путями, не привлекая внимания, и вскоре отыскал подтверждения своим расчетам. Зачем? Интересно, ответил бы гематр, если бы захотел отвечать. Вы, инорасцы, полагаете, что такая мотивация – нонсенс для нашей расы?

Вы ошибаетесь.

Единственный шанс на миллион триста семьдесят тысяч – вероятность не нулевая. Рано или поздно подобный конфуз должен был с кем-нибудь стрястись. Почему бы и не с коллантом Фриша? Отставной следователь отнесся к происшествию философски. В его жизни не первый раз происходили маловероятные события. Закон вероятностного распределения вероятностей, вторая функциональная производная событийного ряда. Область статистических закономерностей, любопытная с точки зрения теории, но бесполезная для практических расчетов.

Гиль Фриш родился практиком.

«Все предусмотреть невозможно,» – подумал он, выйдя в волну, за десятую долю секунды до того, как страх накрыл его снежной лавиной, догнавшей беднягу-лыжника на коварном склоне.

Страх – это нормально. Его испытывают все, гематры – не исключение. Главное, чтобы страх не перерос в панику. Для колланта паника губительна. Панический пси-резонанс способен разорвать коллективное волновое тело, превратить в лохмотья, бессмысленный рой вспышек и мерцаний, и тогда не выживет никто. Гиля, а с ним и весь коллант, спасло гематрийское умение переводить сознание в многопоточный режим. Пока некую часть разделившегося сознания Фриша терзал страх, остальные части хладнокровно занимались делом: наблюдали, анализировали и старались погасить опасную вибрацию лучевой паутины – аналога нервной

системы – что связывала коллант воедино. Гиль даже успел порадоваться: остальные не знали того, что было известно ему. Иначе паника девятым валом захлестнула бы маленький отряд, уничтожив их с вероятностью девяносто две целых и семь десятых процента. Правильно, отметил мар Фриш. Правильно я не стал делиться информацией с коллегами.

Тем не менее, опасность распада сохранялась.

* * *

– Где мы?

Их было десять.

– Куда нас занесло? Тут рос лес. Где он?

Не девять – восьмерка коллантариев плюс пассажир – а *десять*!

– Туча! За нами гналась туча! Где она?

Лошади шли неуверенным тряским шагом. Животные никак не могли решить: сорваться на рысь или встать, как вкопанные? Лошади были растеряны не меньше всадников.

– Мы оторвались? Почему вы молчите, сеньоры?

Вокруг простиралась кочковатая степь. Серая и унылая, как жизнь клерка в провинциальном офисе, ближе к горизонту степь желтела, превращаясь в пустыню. Скрашивали пейзаж редкие угольно-черные утесы. Они торчали из земли на манер драконьих клыков, если вообразить клыки в виде голографических негативов.

Ни леса, ни тучи.

– Что случилось?!

Рассудку, вынырнувшему из-под *шелухи*, открывалась иная картина – мерцающий кокон колланта плыл в космосе, уходя от ближайшей планеты и центрального светила к окраинам системы. Плеск гравитационных волн глох, потоки частиц редели и истончались. Впереди, подсвеченный гамма-квантами, проступал пояс астероидов.

– Диего! Где Диего?! Сеньор, кто вы?

– Кто она такая?!

– Это вы кто такой?! Откуда вы взялись?

– Наглая девчонка!

– Хам! Жирный скот! Где мой Диего?!

– Кто она, драть вас всех на плацу!

От яростного рыка генерал-президента конь встал на дыбы, едва не сбросив седока. Грузный диктатор чудом удержался в седле. Под *шелухой* он был облачен в лазоревый мундир с эполетами и аксельбантами. Грудь украшали звезды орденов, усыпанных бриллиантами. На боку висел длиннющий палаш с рукоятью из платины.

Генерал-президенту никто не ответил. Отряд остановился, всадники сбились в кучу. Лошади рыли копытами сухую почву, ветер уносил прочь облачка пыли. Лица коллантариев – хмурые, растерянные, испуганные – были обращены к Энкарне де Кастельбро. Лишь яйцеголовый аслантин улыбался, словно ждал этой встречи.

– Где...

– Какого...

– Заткнитесь, ваше превосходительство!

Спурий Децим Пробус не мог, не имел права показать остальным, что боится. Связующий центр колланта, помпилианец вел себя, как ни в чем не бывало, и один дьявол знал, чего ему это стоило. Генерал-президент побагровел, поперхнулся: казалось, пассажира вот-вот хватит удар.

– Это вы мне?!

– Вам, золотце! У вас проблемы со слухом?

Диктатор открыл рот и – о чудо! – заткнулся, как велели.

– Деточка! – звенящим тоном продолжил Пробус. – Сначала ответьте, как *вы* здесь оказались?!

Энкарна де Кастельбро воззрилась на помпилианца:

– Я?! – недоумение девушки было высшей пробы. – Вы шутите? Шутите, да?! Мы взлетели с Террафимы – вы, я, Диего...

Недоумение сменилось ужасом:

– О боже! Туча! Я помню!

– Не отвлекайтесь!

– Диего! Где он?!

Она бросила свою кобылу вперед, к Пробусу, намереваясь схватить помпилианца за грудки и вытрясти ответ. Но каурый жеребчик сдал назад, разрывая дистанцию.

– Вы что же, запамятовали...

– Я все помню! Где Диего? Вы подменили его на эту свинью?!

– Диего Пераль жив и здоров, – услышал Гиль Фриш собственный голос. – Он на Хиззаце. Повторяю: жив, находится на Хиззаце. Вы верите мне?

Успокоить девушку. Успокоить коллантариев. Успокоиться самому. Держать себя в руках. Гематр чувствовал, как ходит ходуном лучевая паутина, связывающая коллант. Я говорю с покойницей, кричала та часть мар Фриша, которую терзал страх. Я видел ее труп. Я...

– Мы возвращаемся, – рявкнул помпилианец. – Немедленно!

Гиль Фриш молчаливо одобрил решение Пробуса.

– Стоять! – к генерал-президенту некстати вернулся дар речи. – Не смей возвращаться! Мы летим на Карассу!

– Вы здесь не командуете, генерал.

– Я вам заплатил!

– Диего на Хиззаце? Мне надо на Хиззац!

– Вы обязаны!..

– Прошу вас...

– Молчать! Мы возвращаемся!

– ...ваши обязательства!..

– ...вы обещали!..

– ...вы еще пожалеете...

– ...мы вам заплатили!

– ...я вам заплатил!

– Разговор окончен!

Развернув жеребца, помпилианец с места пустил его рысью. Коллантарии последовали за Пробусом с видимым облегчением. Позади, отстав на два корпуса, отчаянно матерился генерал-президент. Не стесняясь присутствием дамы, он крыл недобросовестных перевозчиков на чем свет стоит. В генеральском реве глух топот копыт. Дважды, вне себя от ярости, диктатор предпринимал попытки ускакать прочь – видимо, намеревался пересечь галактику в одиночку, не понимая или не желая понимать, чем грозит ему отрыв от колланта. К счастью, конь не поддался, следуя за коллантариями, как на привязи. Привязь действительно существовала, но генерал-президент ее не видел – и уверился, что его предали все, включая коня.

...Дорожное платье – на иной планете его бы сочли изысканным бальным нарядом. Украшения: ожерелья, серьги, браслеты. Сабля в ножнах. Белая кобылица под дамским седлом. «И явится призрак на коне бледном,» – вынырнула из глубин памяти Гиля Фриша непрошенная, а главное, нежелательная цитата. Гематр прекрасно помнил, откуда она, но сейчас это не имело значения. Мар Фриш *очень хотел*, чтобы это не имело значения. Мертвая девушка шла в строю коллантариев, не выказывая намерений повернуть назад, подобно опальному дик-

татору. Так случилось, что Гиль Фриш оказался ближе всех к Энкарне де Кастельбро. Заперев страх в чулане собственного сознания, гематр без стеснений разглядывал дочь маркиза, стараясь впитать мельчайшие детали облика и поведения девушки. Его разум, за исключением части, объятый страхом, а также частей, ответственных за блокировку, анализировал ситуацию. Данных катастрофически не хватало. Любой пустяк мог иметь значение, добавить крупницу информации.

Остальные коллантарии притворялись, что все идет по плану. Девушка-призрак? Где? Да неужели?! Так дети закрывают глаза: я не вижу беды, значит, беды нет. В их компании Энкарна де Кастельбро ехала, будто в полном одиночестве. Упрямо закусив губу, девушка и не пыталась скрыть обуревавшие ее чувства. Растерянность, решимость, отчаяние, надежда – эмоции сменяли друг друга на лице Энкарны, подобно облакам, гонимым ветром на фоне луны. Гематр чувствовал, как от этих метаморфоз по спине его волнового тела бегут зябкие квантовые мурашки. Сложный художественный образ был очень полезен для гематрийского рассудка, но Гиль Фриш предпочел бы иную терапию.

Мертвая девушка обернулась к нему:

– Почему вы так на меня смотрите, мар Фриш?

«Я не верю в привидения, – едва не ответил бывший следователь. – В жизнь после смерти. В высшую силу, способную вернуть вашу душу обратно. Сгиньте, и я перестану вас разглядывать!»

– Вы позволите задать вам один вопрос, сеньора?

– Задавайте, – разрешила мертвая девушка. – Но учтите, у меня к вам тоже уйма вопросов!

– Разумеется, сеньора. Скажите, что вам запомнилось из последних событий?

Дочь маркиза смешно наморщила лоб:

– За нами гналась туча... Туча комаров!

– Очень хорошо. Продолжайте, прошу вас!

– Нам с Диего велели стоять внутри круга... Туча нас накрыла.

– Что было дальше?

– Дальше...

Коллант рухнул на планету, возвращаясь в малые тела.

II

– Ненавижу фехтование, – сказала Эрлия.

– Угум, – согласился Крисп.

– Ненавижу. Всех расстрелять.

– Врушка, – ответил Крисп.

Медленно – так шторм надвигается на утлую скорлупку парусника – госпожа куратор службы спецдознаний отвернулась от зеркала. Юный наглец сидел за столом, вперив взор в троицу активных голосфер. Поза его говорила о высоком коэффициенте интеллекта. Таком высоким, что в казармах за это устраивают «темную» без предварительных ласк. Раньше Эрлия и не представляла, что можно вперить взор в три объекта одновременно.

– Что? – спросила Эрлия.

– Врушка, – пояснил Крисп. – Никаких сомнений.

И расплылся в довольной ухмылке.

Оторвать голову, подумала Эрлия. Обрить наголо. Нет, сперва обрить мясницким ножом, потом оторвать и сыграть в подвижную игру типа футбола. Ворота? Ну, допустим, дверь туалета. Она встала у Криспа за спиной. Махровое полотенце, в которое Эрлия завернулась после купания, превратилось в сложенные крылья ангела смерти. Шторм, некрофутбол, сиськи выс-

шей пробы – плевать Крисп хотел на любовь и смерть. В центральной сфере совершал утреннюю пробежку Диего Пераль, и все внимание парня было приковано к ритмично двигавшемуся эскалонцу.

Гомосексуалист, предположила Эрлия. Внезапно осознал. Бывает же так? Пялился на меня, слюной капал, и вдруг – раз! Хочет мускулистую волосатую грудь. Перемена Крисповых интересов огорчила блондинку. Положа руку на сердце (да-да, именно сюда!), ей нравилось дразнить щенка. Невинные проказы, вздохнула Эрлия. Невинные проказы стареющей женщины. Я буду вспоминать о них с грустью.

– Что? – повторила она с терпением, несвойственным ее натуре. Прямо сама себе удивилась. – Повтори, красавчик!

Крисп ткнул пальцем в сферу:

– «Врушка». Глушилка RT-1432-а. Я сперва сомневался, но теперь точно вижу. Прогнал через фильтр: ага, есть! Смотри...

Диего Пераль побежал во всех трех сферах. Тропинка вела вверх, круто взбираясь по склону кратера. На скалах блестели вкрапления слюды. На лбу Диего блестел пот. Еще что-то поблескивало в небе, но Эрлия не могла разобрать, что именно. «Жучок», внедренный объекту, работал превосходно. Рой нанокамер, эскортирующий сеньора Пералья на почтительном расстоянии, давал изображение и звук вполне удовлетворительного качества. Пожалуй, опытный тренер посоветовал бы эскалонцу сбавить темп.

– Ворона, – сказал Крисп. Для верности он снова прибег к помощи указательного пальца. – Видишь ворону? Это одна и та же ворона.

– Кто из нас идиот? – поинтересовалась Эрлия.

– Ворона, – упорствовал щенок. – Одна и та же, говорю.

Эрлия посмотрела. Вороны были разные. Крисп дал увеличение: блеск пропал, зато чертова птица заметно подросла. Разные, и все тут.

– Фильтрую, – уведомил Крисп.

Три вороны расплылись, подернулись рябью. Когда к птицам вернулась резкость очертаний, стало ясно: да, одна и та же ворона. Никаких сомнений. И не летит, а болтается на месте, словно гвоздем прибитая.

– «Врушка», – объяснил Крисп, – не просто глушит все, что поступает с нашего «жучка». Иначе мы бы сразу поняли, что кто-то перекрыл нам кислород. Сначала «врушка» некоторое время «пишет» объект – желательно, ряд простых однообразных действий. Набрав достаточное количество материала, глушилка перехватывает управление «жучком». И начинает слать наблюдателям монтаж. Дурилку, понимаешь?

– Ворона, – напомнила Эрлия.

– Ворона попала в кадр. «Врушка» повторяет этот кадр, встраивая его в цепь с аритмичной регулярностью. Чтобы замаскировать повтор, глушилка вносит изменения. Ворона увеличивается, уменьшается, изменяет цвет и позу. Мы видим ворону с разных ракурсов. В итоге нам кажется, что это разные вороны. То же самое «врушка» делает с окружающим пейзажем. С объектом: добавить пота, бросить тень на щеку. Нам морочат голову! Но если пропустить запись через фильтры...

– Почему я ничего не знаю про твою «врушку»? У вас есть секреты от Великой Помпилии, офицер?

Если он сострит, подумала Эрлия, я сломаю ему шею.

– Полиция, – Крисп пожал плечами. – «Врушкой» пользуются агенты, работающие под прикрытием. У нас такие не в ходу. Во всяком случае, я ничего о них не слышал. Это я случайно раскопал, весной...

Диего Пераль бежал. Мимо скал, в сопровождении ворон. С тем же успехом сеньор Пераль мог бежать по ленте тренажера. Или вообще лежать на диване.

– Ты хочешь сказать... – начала Эрлия.

Полотенце соскользнуло с нее на пол, но Крисп впервые не засопел бычком. Великий Космос! Он вообще не обратил внимания на пикантность ситуации. Осанка Криспа изменилась. Малыш сидел, выпрямившись, с такой великолепной самооценкой, словно только что убил мамонта голыми руками и затащил его в пещеру на собственном горбу.

– Ага, – кивнул унтер-центурион. – Мы не знаем, где сейчас находится объект. Не знаем, с кем он беседует. Не знаем, жив ли он. Мы можем лишь предполагать, что он где-то на гребне кратера. Или на спуске, если запись велась достаточно долго. Или улетел на аэромобе. Единственное, что мы можем утверждать с полной уверенностью – кому-то очень понадобился конфиденциальный разговор с объектом. Кому-то, кто предполагал наличие у объекта «жучков».

– Гематры, – согласилась Эрлия. – Гематры форсируют ситуацию.

Крисп кивнул еще раз:

– Они, больше некому. Что будем делать?

– Если объект вернется, – Эрлия начала одеваться, – забросим наживку мести. Прямо в пасть. Если не клюнет... Тогда вывезем силой. Если не получится...

– Тогда уберем, – подвел итог Крисп.

Вот это да, изумилась Эрлия. Сейчас бы я ему дала.

III

Колесницы судьбы

(совсем недавно)

– Где она?

– Куда она подевалась?!

Их снова было девять. Восемь коллантариев и генерал-президент, кипящий от гнева. Флуоресцентные чернила, залившие небо, сгустились, лиловый цвет сменился темно-фиолетовым. Закат стремительно угасал, землю окутали тени. В небе зажглись первые искры звезд. Ветер, напоенный ароматами трав, еще казался теплым, но в нем явственно проступили зябкие нотки. Фриш взглянул на часовой браслет-татуировку. Они отсутствовали на Алайне одиннадцать минут тридцать четыре секунды. В большом теле время идет по-другому, нежели в плотском облике.

– Предатели! Мерзавцы!

– Вы правы, золотце, – согласился Пробус. – Мы – ваш идеал.

– Вас расстреляют! Повесят! Освежают!

– Вижу, вы нас очень любите.

– Немедленно заберите меня отсюда!

– Расстрел через повешенье? – в голосе чернокожего Джитуку звучала насмешка. – Большой бвана очень напугал бедного Джитуку!

Издаваться над пассажиром, да еще таким примитивным образом, было низко. Но вудун пытался любым способом компенсировать пережитый страх, отгородиться от него. Знай Джитуку, что возникшая в колланте девушка мертва, страх вудуна перерос бы в ужас. Гиль Фриш огляделся: нет, не в поисках Энкарны де Кастельбро. Дочь маркиза исчезла, это следовало принять как факт, отложить в копилку для последующего анализа. Гематр хотел понять, где они оказались. Видимость оставляла желать лучшего, очертаний горного хребта, черневшего

по левую руку, Фриш не узнал. И овраг в ложбине объявился, и россыпь огоньков вдалеке – поселок или окраина города.

Гиль достал коммуникатор. Он привык, что уником материализуется вместе с одеждой, кредитками и прочей мелочью, лежащей в карманах. Спутниковая сеть на Алайне худо-бедно позволяла определить координаты. Но гематра опередил Пробус: в прошлом – наладчик навигационных систем, помпилианец уже поймал сеть, вышел на спутник и фиксировал местоположение. Дублировать его работу не имело смысла.

- ...мои люди! Вас, сукины дети!..
- Где они, твои люди?
- ...откуда она взялась?
- Подкралась? И когда мы взлетали...
- На Карассу! Ноги в руки!..
- Уймись!
- ...куда она исчезла?
- И что теперь?
- В смысле?
- Ну, мы опять в волну выйдем, а тут она...
- Я требую!..

У Фриша запищал коммуникатор. На писк нахлобичка переливчатая трель: это спел дуэтом уником помпилианца. Гиль активировал сферу, включил конфиден-режим и нырнул в туманный шар.

«Пассажира не брать. Если он рядом с вами – дайте пеленг на номер 2860-376-876-485. Сами улетайте без промедления. Гонорар остается в силе.»

Взглянув на таймер, мар Фриш удостоверился: сообщение пришло, когда коллант находился в большом теле, «вне зоны доступа». Что-то случилось, планы Луки Шармалы изменились. Сообщение опоздало на две минуты одиннадцать секунд. Если бы не призрак, вынудивший коллант вернуться, они бы доставили беглого диктатора на Карассу. И, с вероятностью шестьдесят четыре процента, влипли бы в новые неприятности.

На Сечене говорят: «Все, что ни делается – к лучшему.»

Вынырнув из голосферы, Фриш обменялся взглядами с Пробусом. Гематр знал: сообщение, полученное помпилианцем – точная копия того, которое пришло Фришу.

– Ваше превосходительство, извиняюсь за накладку! – Пробус сориентировался на ходу, вслепую давая пеленг на указанный номер. – Форс-мажорчик! Карасса, вас ждет Карасса! Пять минуточек, и мы взлетим! В компенсацию за доставленные неудобства вам будет предоставлена скидка в размере...

– Засунь скидку себе в жопу! – предложение генерал-президента подкупало своей простотой. – Пять минут, и не секундой больше! Ты понял, гаденыш?!

– Гаденыш понял! – Пробус замахал руками, как взбесившийся ветряк. – Гаденыш принял к сведению! Считайте, что дело в шляпе! Ждите здесь, мы сейчас вернемся. Нам только стремена подтянуть...

Он поманил всех к оврагу. «Неужели диктатор купится на детскую уловку?» – усомнился бывший следователь. Меньше всего Фришу сейчас хотелось просчитывать вероятности.

– За мной, – шепотом скомандовал Пробус, когда последний коллантарий нырнул в овраг. – Бегом!

Никто не возразил, не спросил, в чем дело. Жизнь в колланте приучила восьмерку обходиться без лишних вопросов. В космосе скорость выполнения приказов равна скорости света. Велено бежать – беги, если дорожишь своей драгоценной волновой шкурой.

Отмахав с километр, Пробус перешел на шаг. Запыхались все, кроме астланина. Впору было подумать, что регулярный «бег трусцой» от звезды к звезде позволил яйцеголовому

дикарю сохранить хорошую спортивную форму. Остальные-то верхом да верхом... Над головами скользнул обтекаемый силуэт аэромоба, едва различимый в темноте. Машина шла в ту сторону, где коллантарии оставили диктатора. Пара минут, и Фриш услышал два выстрела, один за другим.

Вскоре грянул третий, контрольный.

* * *

Едва коллантарии выбрались из оврага, стемнело окончательно. Огни жилищ погасли, горный хребет растворился в черничном киселе. Небо затянули тучи, скрыв звезды и два серпика здешних лун. Землю окутал вязкий, клубящийся мрак – протяни руку, и наберешь полную горсть. Координаты Пробус определил, а толку? В округе, судя по спутниковой карте, имелись два жалких поселка с издевательской пометкой «городского типа». Ниже пометки стояло грозное «н.д.т.», что значило «не для туристов». Случайным полуночникам следовало тысячу раз подумать, прежде чем соваться в мышеловку, особенно в свете бардака, творившегося на Алайне.

Поставят к стенке без суда и следствия – жалуйся потом могильным червям.

Можно было, конечно, уйти в волну и покинуть дрянь-планету «своим ходом». Но после явления в колланте Энкарны де Кастельбро об этом никто даже не заикнулся. Всех трясло от одной мысли о выходе в большое тело. Если раньше уход в волну ассоциировался с наслаждением, едва ли не с оргазмом, то теперь дьявольским попущением он превратился в кошмар. Добраться до космопорта? Улететь ближайшим рейсовым кораблем? Единственная хорошая новость заключалась в том, что они высадились в ста двадцати семи километрах от космопорта. Пятнадцать минут лету на аэромобе, полтора-два часа на колесном мобиле по разбитым дорогам. Выйти к трассе, поймать попутку – все это пришлось отложить до утра.

Попытки отыскать укрытие на ночь дали только один осязаемый результат: рыжий невробаст подвернул ногу. Он ковылял, шипя сквозь зубы от боли, проклинал каждый камешек на пути, и в итоге вынудил отряд сделать привал. Коллантарии улеглись на землю, выбрав участок с травой погуще, и плотно прижались друг к другу, желая сохранить тепло. Неловкости, равно как похоти, никто не испытал: в колланте волновые тела сплетались теснее, чем сейчас – материальные.

Сон не шел. Степь наполнилась звуками: шорохи, скрипы, шелест травы под ветром, треск, пронзительный крик ночной птицы, стрекот насекомых...

– Что дальше? – первым не выдержал рыжий.

– Ты насчет этой девки?

– Нет, блин, я о вечеринке в пабе...

– Сообшим в Центр?

– Рано панику поднимать...

– Как по мне, самое время...

– Разберемся...

– А если не разберемся?

– Может, она больше не появится...

– А если появится?

– Иди ты к черту! Накликаешь!

– Выйдем в волну – узнаем...

– Что-то неохота мне узнавать...

Воцарилось молчание, долгое и напряженное. Степной оркестр, а также ветер, растерявший остатки дневного тепла, настроения не улучшали.

– Улетаем в жестянке, – подвел очевидный итог Пробус. – Ох, подниму я свои старые кости да мотну на Хиззац! Отыщу барышню, потолкую по душам...

– Я бы составил вам компанию, – будничным тоном предложил Гиль Фриш. – Не возражаете?

– Голубчик! С вами мы ее из-под земли достанем!

Бывший следователь оценил черный юмор реплики помпилианца. Знал бы Пробус... Делиться информацией с товарищами по колланту мар Фриш по-прежнему не собирался. О смерти Энкарны де Кастельбро они узнают, когда придет время. А задание, которое Фриш выполнял на Хиззаце по поручению Луки Шармаля – о нем коллантариям и вовсе знать ни к чему.

– Девушку надо искать через ее спутника.

Как Фриш и рассчитывал, никто не спросил, *почему* он так решил. Гематрийская логика – лучшее объяснение. К ней инорасцы относились с благоговейным трепетом, и любой гематр пользовался этим предрассудком без зазрения совести.

– Как скажете, дорогуша! Вам и вероятности в руки...

Заснуть – вернее, провалиться в зябкую дрему – удалось лишь под утро. Позже, проанализировав сны – обрывки, сохранившиеся в памяти – Фриш сделал крайне огорчительный вывод. Сам факт огорчения – чувственного фона – являлся важной частью вывода. Сны отражали изменения, которые гематр подметил за собой сразу после аварийного возвращения на Алайну, но отложил изучение на потом. Восприятие реальности стало включать в себя подозрительные тона и оттенки, ранее несвойственные мар Фришу. Они мешали чистому анализу: и раньше, и сейчас. Эмоции, назвал Гиль Фриш врага по имени. Судя по реакциям, теперь я подвержен их влиянию – меньше, чем, к примеру, вудун или брамайни, но гораздо больше, чем рядовой представитель расы Гематр. Такое впечатление, что часть моего сознания, охваченная страхом перед мертвой девушкой, та самая часть, которую я блокировал в многопоточном режиме, вырвалась из карантина и, словно вирус-мутант, диктует рассудку свои правила игры. Нельзя сказать, чтобы новый способ мировосприятия был так уж противен Фришу, но бывший следователь сомневался, что способен в данный момент составить самую простенькую гематрицу.

Рассчитав процент повышения эмоциональности, мар Фриш успокоился. Гематрицы – гематрицами, а на качество обычного анализа чувственность влияла не критично.

– Подъем! – хрипло каркнул помпилианец.

Одежда насквозь пропиталась росой. Мышцы затекли, в горле першило, зуб на зуб не попадал от холода. Пробус определил направление до трассы, и полтора километра коллантарии преодолели бегом – пусть и не в том темпе, в каком мчались прошлым вечером по дну оврага. В итоге запыхались, зато согрелись.

Сверившись с картой, Пробус махнул рукой:

– Космопорт там!

Они залегли в кустах под откосом. Вряд ли местные водители придут в восторг, узрев восьмерку инопланетных бродяг. Чтобы с гарантией поймать попутку, требовался надежный способ. И этот способ в их распоряжении имелся – древний, как мир, но оттого не менее действенный.

В состав колланта входили две женщины. Приманкой вызвалась быть Анджали. Говорят, брамайни изобрели более восьмидесяти способов ношения сари. За минуту Анджали переоблачилась, безошибочно избрав вариант, от которого рыжий невропаст задышал как астматик во время приступа, а вежден Сарош минуту, если не две, цокал языком без перерыва. Приличия соблюдены, все, что нужно, прикрыто, но статная Анджали выглядела для мужчин сплошным эротическим обещанием.

С первой машиной вышла осечка. Анджали едва успела юркнуть обратно в кусты, когда мимо прогрохотал тупорылый колесный бронетранспортер в камуфляжных кляксах. Приплюснутая башенка дергалась, ребристый ствол энергично тряс дульным тормозом. В поведении ствола тоже усматривался извращенный элемент эротики. Пробус отметил это в ярких формулировках, но БТР, к счастью, уже скрылся за изгибом шоссе.

Вторым на дороге объявился громоздкий «семейный» рыдван лягушачьего окраса. Водитель, живая реклама пива, счел явление Анджали подарком небес. Дурак и не представлял, насколько он близок к истине. Из салона он выпрыгнул бодрячком, а дальше в ход пошел стандартный набор в виде кнута – поясной веревки Сароша, скрученной в недвусмысленную петлю – и пряника: шелеста крупной купюры в пальцах Пробуса. Водителю было невдомек, что вехден скорее сам удавится, чем осквернит священную веревку прикосновением к грязной шее похотливца. Зато Пробус шурился артистически, и абориген принял единственно правильное решение.

Спустя четыре часа коллантарии поднялись на борт «Счастливчика Чаки», следовавшего рейсом Тилон – Алайна – Пхальгуна. В космопорте у них трижды проверили документы, но паспорта и визы у коллантариев были – комар носу не подточит. Ссориться с гражданами развитых планет Лиги новые власти Алайны не желали – в надежде на кредиты, инвестиции и дипломатическую поддержку.

На Пхальгуне они взяли билеты до Хиззаца – Пробус с астланином и Гиль Фриш. Специально для спутников гематр методично повторил все поисковые действия, которые ранее уже проделывал под личиной Йотама Галеви – и вскоре выяснил, что Диего Пераль находится на Китте, в составе спортивной делегации университета. Двое суток полета, и Хиззац сменился Киттой. Днем и ночью Пробус вслух живописал, как сеньор Пераль выведет его на девушку, а уж он-то, дядюшка Пробус, вытрясет из барышни ответы на животрепещущие вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?!» Фриш помалкивал. Он прекрасно знал, какой шок ждет помпилианца. Но у гематра имелись свои резоны встретиться с Диего Пералем.

IV

Аккорд «гостевого» сигнала прозвучал в тот момент, когда Эзра Дахан, приняв контрастный душ, выходил из ванной комнаты. У Дахана в распоряжении имелось двадцать две минуты свободного времени. Визитеру повезло, а может, он прекрасно знал распорядок дня тренера.

«Знал,» – уверился Эзра, открыв дверь.

На пороге стоял гематр лет шестидесяти пяти в сюртучной паре цвета «графит-электрик». За такой неброский костюм Дахану пришлось бы выложить месячное жалованье. Сухощавым телосложением гость напоминал самого Эзру Дахана, но был выше тренера на семнадцать с половиной сантиметров.

– Мир вам. Мар Дахан?

Вопрос был задан из приличий: посетитель видел, кто перед ним.

– И вам мир. Эзра Дахан, к вашим услугам.

Тренер посторонился, впуская гостя. Тот аккуратно закрыл за собой дверь, бросил взгляд в ростовое зеркало, стоящее в прихожей, и смахнул с лацкана сюртука воображаемую пылинку. Не иначе, активировал сканер: проверить, нет ли «жучков» в апартаментах Дахана. Результат сканирования гостя удовлетворил: пять секунд спустя он вновь коснулся лацкана, отключая устройство. Затем извлек из кармана фиолетовый кристалл в золотой оправе и сжал его двумя пальцами: большим и указательным. Над ладонью всплыла голограмма служебного удостоверения, защищенная от копирования.

Алам, отметил Эзра Дахан. Я ошибся. Род занятий визитера сомнений не вызывал. Проанализировав внешний вид гостя, Дахан ясно понял, какая из гематрийских спецслужб оказала

честь скромному тренеру. Старика подвели расчеты воинского звания: алам, иначе полковник, не сочетался с возрастом и поведением объекта.

– Чем обязан?

Жестом Дахан пригласил гостя войти в гостиную и присесть в кресло, но тот лишь покачал головой: «Спасибо, я ненадолго.»

– У вас в штате числится некий Диего Пераль, уроженец Террафимы?

Без сомнения, алам знал о Диего Перале куда больше Эзры Дахана. Но говорил он сейчас о другом. «У меня нет к вам претензий, мар Дахан, – говорил алам. – Напротив, я пришел к вам с просьбой.»

– Диего Пераль – мой помощник. Главным образом он выступает в роли спарринг-партнера Джессики Штильнер.

«Я лояльный гражданин, – гласил ответ тренера. – Я готов к сотрудничеству. Озвучивайте вашу просьбу, мар алам.»

– Вы довольны его работой?

– Вполне.

– Это хорошо. В таком случае я уверен: исполнить мою просьбу не составит для вас труда.

– Я вас слушаю.

«Просьба» означала указание, выполняемое без возражений. На сей счет у Эзры Дахана не имелось никаких иллюзий. Но в подобной беседе много значит форма, в которую облакается приказ. Алам демонстрировал тренеру свое расположение. Не ответить ему тем же, по меньшей мере, глупо.

– Мне бы хотелось, чтобы Диего Пераль ни в чем не нуждался. Повторяю: ни в чем. Пусть он чувствует себя комфортно. Пусть он будет заинтересован в дальнейшем сотрудничестве с вами. С вами, с Джессикой Штильнер, с расой Гематр в целом.

– Я хотел бы того же. Совпадение интересов – восемьдесят девять целых шесть десятых процента. Я основываюсь на других причинах, нежели вы, но в данном случае это не имеет значения.

– Рад, что мы поняли друг друга. Диего Пераль нуждается в средствах?

– Сейчас, насколько мне известно, нет.

– Его жалование оставляет желать лучшего.

– У него скромные запросы.

– Тем не менее, изыщите способ повысить ему оклад. В разумных пределах, чтобы у сеньора Пералья не возникло лишних вопросов.

– Думаю, это можно будет устроить.

– Когда я уйду, на ваш коммуникатор придет сообщение с номером. Ответьте, указав потребную сумму, и на счет спортивной кафедры в Бунг Лайнари придет целевой благотворительный взнос. Никто, кроме вас, не сумеет воспользоваться этими средствами.

– Благодарю.

– Не стоит благодарности. Если возникнут другие расходы, также сообщайте на этот номер. Насколько мне известно, сеньор Пераль просил вас помочь ему в личных тренировках?

– Совершенно верно.

– И вы согласились. Правильное решение, мар Дахан. Не отказывайте и дальше. Мы готовы компенсировать все связанные с этим расходы и ваши возможные неудобства.

Эзра Дахан молча кивнул в ответ. Он верно истолковал слова собеседника о благодарности, которая не требует вербализации. Два гематра стояли в прихожей, в шаге друг от друга – две говорящие статуи. Кивок тренера нарушил обоюдную неподвижность, выдав в одном из собеседников живого человека.

– Последнее, мар Дахан. Пусть Диего Пераль продолжает тренировки с Джессикой Штильнер. В качестве спарринг-партнера или младшего тренера – на ваше усмотрение.

Ему не следует отвлекаться на других спортсменов. Личное общение сеньора Пераля с Джессикой в нерабочее время также приветствуется.

- Я вас понял.
- У меня все. Мы умеем ценить оказанные нам услуги.
- Это лишнее, мар алам.
- До свиданья, мар Дахан.
- До свиданья.

Сообщение с номером пришло на коммуникатор Эзры Дахана через тридцать секунд после того, как за гостем закрылась дверь. Определив «разумную» надбавку к окладу эскалонца, Эзра еще раз прокрутил в памяти разговор с аламом. Чем Диего Пераль так заинтересовал всемогущее бюро научных связей «Каф-Малах», чей шеф был засекречен настолько, что даже не входил в КРР – комитет руководителей разведслужб? Данных для выводов не хватало. В конце концов, это не его дело. Обеспечить Диего Пералью комфорт? Расположить к расе Гематр? Почему бы и нет? Эзра Дахан не видел в этом ничего предосудительного. Что же до личных отношений Диего с Джессикой Штильнер...

Чувства людей – та область, где пасует безупречная гематрийская логика. Но у Эзры Дахана возникло ощущение, что расчеты алама могут и не оправдаться. Наверняка гость знает о сеньоре Перале много такого, что неизвестно старому тренеру. С другой стороны, иногда личное общение значит больше, чем терабайты информации. Тут у Эзры Дахана имелось преимущество перед аламом.

Брякнул уником: упало второе сообщение.

Номер отправителя на этот раз подавлялся, но старик твердо знал, кто ему пишет. «Скажите, пожалуйста, – интересовался алам, где бы он сейчас ни был, – как у Диего Пераля с логикой?» Нормально, ответил Дахан. Для варвара – твердый средний уровень. «Спасибо. Вы меня порадовали.» С минуту Эзра Дахан ждал продолжения. Нет, объяснений не последовало. Возможно, это у меня что-то с логикой, подумал тренер. Вопрос про аналитические способности сеньора Пераля не укладывался ни в какие расчеты.

V

Лучшая защита – нападение.

Древний афоризм нравился Луке Шармалю. Парадокс и систематика, умозрительность и практичность – как у любого высказывания, у афоризма имелись границы применимости, но это не умаляло его ценности и лаконичного изящества. Мудрость, проверенная веками, была как нельзя кстати.

Банкир не любил действовать поспешно. Хотя при необходимости мар Шармаль принимал решения быстро, почти мгновенно – и редко ошибался. Сказать по правде, ошибся он всего дважды за свою долгую жизнь, и в итоге сумел извлечь большую пользу из ошибок. Когда же время позволяло, глава семьи Шармалей предпочитал лишний раз все взвесить и перепроверить, запустив верификацию по трем параллельным потокам уникального гематрийского мышления. Схождение результатов, полученных разными методами – принципиально разными! – не только подтверждало верность решения задачи, но и доставляло Луке Шармалю специфическое удовольствие.

Многофакторный анализ. Формальная комбинаторика событий с векторной экстраполяцией. Расчет и сравнение вероятностей с учетом взаимодействий неявных и косвенных. Эмпирическая верификация на основе статистики предыдущего опыта.

Лука Шармаль знал эти формулировки: монография профессора Штильнера «Ойкумена: расизм как конфликт специфик мышления», раздел «Раса Гематр», главы девятая и десятая с примечаниями. Банкир никогда не говорил зятю, что в действительности, несмотря на изощ-

ренность профессорских рассуждений, все обстоит гораздо сложнее. В процессе анализа ситуации и выработки решения три потока многократно пересекались, обогащая и корректируя друг друга промежуточными результатами. Неудивительно, что все попытки компьютерного моделирования гематрийского мышления терпели фиаско. И дело тут было не в мощностях и быстроте лучших в Ойкумене компьютеров, собранных на Ларгитасе...

Отрегулировав упругость напольного покрытия, Шармаль стал мерить шагами кабинета. Возле обзорника, имитировавшего окно во всю стену, он всякий раз задерживался на три с половиной секунды. Обзорник показывал реальный пейзаж за стенами резиденции, как если бы Лука и впрямь смотрел в окно. Небо было чистым – ни облачка, ни инверсионного следа от летательных аппаратов. Перед мысленным взором Шармала прозрачная глубина китяньских небес быстро заполнялась белыми закорючками цифр и символов, которые складывались в исполинскую трехмерную матрицу. Лука мог обойтись и без визуализации мыслительных процессов, но так ему лучше думалось.

«Приятнее,» – определил бы на его месте не-гематр.

Восемь шагов к стене, восемь обратно. Задержаться у обзорника на три с половиной секунды. Обновить зависшую в небе облачную матрицу. Внести коррективы в параллельные потоки. И снова – восемь шагов до стены, восемь обратно. Так это выглядело со стороны. Знаменитого финансиста «зациклило». Уж не погружается ли он в апато-абулический синдром? Не пора ли вызывать врача?

...Наблюдателя Лука Шармаль отправил в спорткомплекс «Тафари» за два дня до начала турнира. Строгий приказ гласил: никаких «жучков» и нанокамер, напыленных на одежду. Личных контактов с объектом избегать. Держать дистанцию, себя не обнаруживать. Для такой работы не требовался экс-следователь Фриш – с заданием справился сотрудник личной службы безопасности. Его ежедневный отчет пришел сорок семь минут назад и был лаконичен.

Сегодня во время утренней пробежки камера дистанционного наблюдения за объектом в течение тридцати шести минут сорока одной секунды давала фальш-картинку. Причина: использование генератора композитной камуфляжной иллюзии с мультидиапазонной «глушилкой»; вероятность – девяносто восемь процентов. С вероятностью девяносто шесть целых и семь десятых процента в этот промежуток времени объект контактировал с неизвестным(и). Отследить контакт не удалось. Содержание беседы установить не удалось.

Скупой информации Луке Шармалу хватило с лихвой. С Диего Пералем контактировал отлично оснащенный профессионал. Предпринятые им меры предосторожности ясно свидетельствовали: контактер был уверен, что за Пералем следят. И, тем не менее, счел необходимым встретиться.

Расчет вероятностей давал следующий расклад:

– Разведка Великой Помпилии, полагая, что Пералем интересуются гематрийские «коллеги», решила форсировать события. Вероятность – семьдесят две целых и три десятых процента.

– В игру вступила разведка другой расы. Вероятность – семнадцать целых и четыре десятых процента.

– С Пералем контактировал представитель частной компании или преступной организации. Вероятность – восемь целых, одна десятая процента.

– Контакт не имеет отношения к секрету пассажирского колланта и преследует иные цели. Вероятность – две целых, две десятых процента.

Последний пункт явился для Шармала неприятным сюрпризом. Вернее, не сам пункт, а соответствующая ему вероятность. Две целых и две десятых процента – на самом деле не так уж мало. Эмпирическая верификация по данным статистики предыдущего опыта подсказывала Луке, что здесь вступают в действие неучтенные факторы, а следовательно, данный пункт нуждается в поправочном коэффициенте. Точному исчислению коэффициент не поддавался.

Досадная неопределенность не повлияла на конечный вывод и решение. Настала пора действовать, причем действовать на опережение.

VI

В кратере Тафари клубился туман.

Ключья перламутра оседали на стенах чаши, вылепленной из земного праха наилучшим гончаром – природой. Ближе к краю они липли к скальным уступам так, словно целиком состояли из клея. Ниже туман бурлил, кипел, сливался в сплошную массу овсяной каши. С наслаждением, равно свойственным людям и катастрофам, он погребал под собой отели, спорткомплексы, бассейны, фехтовальщиков, тренеров, судей, массажистов – и, конечно же, зрителей, прилетевших на Китту ради наслаждения: зрелища откровенного, бесстыже выставленного напоказ соперничества. Туман был демократом, он жрал всех без разбору: богатых, бедных, здоровых, больных, живых, мертвых.

– Кстати, о мертвых, – сказал Пробус. – Сеньор Пераль, дружочек, вы абсолютно уверены...

– Замолчите, – перебил его Гиль Фриш.

– Ну мало ли! Например, летаргия. Ошибка врачей...

– Замолчите!

Незнакомая интонация, взорвавшая реплику гематра, заставила помпилианца прикусить язык. Много позже Пробус поймет, что впервые услышал от мар Фриша эмоционально окрашенную реплику, а сейчас он просто сел на камень и обхватил голову руками.

Спиной к ним обоим, Диего Пераль стоял на краю кратера.

– Спуск, – заметил он. – Спуск опаснее подъема.

– В каком смысле? – уточнил Фриш. – В философском?

– Во всех смыслах.

Я перестаю его понимать, отметил мар Фриш. Он молчал во время всего рассказа Пробуса. Я молчал – и он молчал. Помпилианец, размахивая руками и брызжа слюной, живописал, как в космосе мы встретились с покойницей, до сих пор летящей с Террафимы на Хиззац. Пробус не скупился на подробности, описывая собственные впечатления от встречи с усопшей сеньоритой де Кастельбро, где «чуть не обосрался» было самой слабой из характеристик. Сеньор Пераль слушал и лишь кивал в такт. Казалось, ему пересказывают одну из пьес, написанных Пералем-старшим. Он изменился, и момент перемены легко вычленишь со стопроцентной точностью. Это фраза сеньора Пералья, обращенная к Пробусу: «Ангел ты или бес, в любом случае я иду за тобой.» Решение принято, все остальное – частности.

– Я думал, это я в аду, – сказал Диего Пераль.

– Это я в аду, – огрызнулся Пробус. – И черти жарят мою задницу.

– Нет, – с серьезностью психопата, объясняющего жертве мотивы своего ужасающего поведения, ответил Диего. – Вы заблуждаетесь, сеньор. Вам плохо, вот вы и преувеличиваете. Я тоже преувеличивал, и сейчас мне стыдно. Она до сих пор летит с Террафимы на Хиззац. Мертвая, она летит с Террафимы на Хиззац...

Он повторил мысль Фриша дословно, с такой уверенностью, что гематр едва не заподозрил в эскалонце латентного телепата. Черный ворон, Диего Пераль стоял над кратером, изучал метаморфозы предрассветного тумана и размышлял вслух о пекле и неврозах. Над горизонтом всплыл краешек Альфы Паука, прожигая насквозь перину облаков. Лучи солнца соткали вокруг Пералья яркий ореол, облепили желтым пухом, превращая ворона в цыпленка. Это было бы смешно – в другом месте, в другое время.

– Знаете любимую легенду моего отца? – спросил Диего. Рукой он сделал замысловатый жест, из которого тренер Дахан вынес бы кучу информации о защитах и атаках. – У поэта

умерла жена, и он, не перенеся разлуки, спустился за ней в преисподнюю. Сатана в тот день пребывал в добром расположении духа. Он разрешил поэту забрать душу жены наверх, к людям. Но поставил условие: не оглядываться всю обратную дорогу. Разумеется, поэт оглянулся.

– Я бы тоже оглянулся, – согласился Пробус. – Нет, я бы вообще не спускался в ад. Ради жены? Ни в коем случае.

– Поэт оглянулся, – невозмутимо продолжил Диего, – и увидел, как его жена страстно отдается напоследок какому-то дьяволу. Ангелы прекрасны, даже падшие. Их красота очаровывает женщин вернее, чем прелесть ангелов, славящих Господа на небесах. Этот дьявол не был исключением. Рыдая, поэт кинулся прочь. Вскоре он вернулся домой, а его жена...

Пробус стукнул кулаком по колену:

– Трахается с чертом! Что за чушь вы несете, золотце?

– Чушь? Возможно. Мне никогда не нравилась эта легенда. Я думал: что, если измена жены была сатанинским наваждением? А если и нет, то почему трусливый поэт сбежал? Почему не вступил в бой с дьяволом, увенчавшим его рогами? Я был глуп, сеньоры, молод и глуп. Теперь я думаю иначе. Надо идти вперед. Просто идти вперед и не оглядываться. Тогда у тебя есть хоть какой-то шанс... Я кажусь вам безумцем?

– Да, – сказал Пробус.

– Нет, – сказал Фриш.

– Летим, сеньоры. Летим немедленно! Едва я вспомню, что она все еще там, на пути к Хиззацу...

– Летим? – помпилианец хрипло расхохотался. Под левым глазом Пробуса забились синяя жилка, на лбу выступили крупные капли пота. – Дорогуша, у меня начинается понос от одной мысли о выходе в волну! Уверен, мой драгоценный коллега...

– Это правда, – кивнул Фриш. – Мне тоже страшно.

Секундой раньше гематр закончил расчеты персонального чувственного фона. Получалось, что мар Фриш сейчас менее эмоционален, чем после аварийного возвращения на Алайну, но более эмоционален, чем обычно, до экстремальной встречи с покойной сеньоритой де Кастельбро. Разница не сводилась к банальным пропорциям. Расчеты показывали, что в данный момент эмо-фон на семь процентов выше стандарта, присущего гематрам, и вдвое слабее пикового значения, которым Гиль Фриш назначил свое состояние на Алайне. Для того, чтобы сделать из этого какие-то осмысленные выводы, требовалось время. Время и опыт, накопленный фактаж.

– Не надо, сеньоры, – Диего Пераль повернулся к собеседникам. – Мы зря тратим время. Вам страшно, мне страшно, но мы летим, и все тут.

Пробус криво ухмыльнулся:

– Вы заставите нас силой, дорогуша?

– Я? Нет.

– Тогда кто же? Власти?

– При чем здесь власти? Вы сами заставите себя взлететь. Вы не можете без полетов, я же вижу. Вы продали душу за скэчки по космосу. Прикованные к земле, вы зачахнете. Космические корабли? Нет, они вас не удовлетворят. Пьяницу не напоить водой. Это как...

Щелкнув пальцами, Диего подыскал сравнение:

– Это как безрукий боец. Он все равно изыщет способ драться.

– Душу? Продали?! – вскочив, Пробус топнул ногой, словно намеревался пойти в пляс: – А что? Вы правы! Вы триста раз правы, только не надо разговаривать с нами, как сержант с новобранцами!

– Я мастер-сержант, – на лице Диего не возникло и тени улыбки. Окажись здесь Мигель Ибарра, восстань на миг из могилы, и лихой контрабандист подтвердил бы: да, такое лицо было у мастер-сержанта Перала перед тем, как на Дровяном бастионе началось самое веселье,

а какое лицо у него стало потом, вам и знать не надо, господа хорошие. – С новобранцами я разговаривал иначе. Вам бы не понравилось, это точно.

– Ну тогда – как мамаша с детьми!

– Мы не можем взлететь вдвоем, – вмешался Фриш.

Диего показал гематру три пальца: втроем.

– Вдвоем, сеньор Пераль. Вы, как ни крути, пассажир, а не коллантарий. Мы не взлетим и втроем: Якотль ждет нас в гостинице. Для взлета требуется коллант в полном составе. Вы способны подождать, сеньор Пераль?

– Да. Только поторопитесь.

– Я имею в виду, подождать так, чтобы не натворить глупостей?

Диего Пераль долго молчал.

– Я попытаюсь, – наконец произнес он.

Контрапункт

Из пьесы Луиса Перала «Колесницы судьбы»

Живоглот:

Я жизнь провел в резне, как дьявол в пекле,
Колол, рубил, валял, кусался, грыз,
Я – корифей трагической игры,
Я – золотой дублон, лежащий в пепле,
Мой нож кровав и жребий мой кровав –
А ты? Что делал ты?

Капитан Рамирес:

Я? Убивал.

Мордокрут:

У моего клинка манеры гранда,
Он кланяется только мертвецам,
Я – идеал отменного бойца,
Я – сонмище воинственных талантов!
В моей душе кипит девятый вал,
А ты хоть раз кипел?

Капитан Рамирес:

Я убивал.

Ухорез:

Подруга шпага! Мы в любой таверне
Запомнились по шрамам и рубцам,
Оставленным на память молодым –
Им и сейчас икается, наверно!
Один удар, и трое наповал!
Ты там бывал?

Капитан Рамирес:

Я? Нет. Я убивал.

Живоглот, Мордокрут, Ухорез (хором):

А часто ли?!

Капитан Рамирес:

Случалось, убивал.
Я не мастак хвалиться по тавернам,
Я не горжусь умением палача,
Убийство, вне сомнений, это скверно...

Живоглот, Мордокрут, Ухорез (*хором*):

Когда ж ты это делаешь?!

Капитан Рамирес:

Сейчас.

Убивает всех троих.

Глава вторая

Выигрышные сцены

I

– Удачи! – вполголоса пожелал Диего.

Джессика не ответила. Даже не кивнула, показав, что слышит, благодарит за доброе напутствие. Молодец, отметил маэстро. Наука пошла впрок. Сердцем, мыслями, всем существом Джессика Штильнер была там, на площадке, выделенной для поединка гематрийки с Рудольфом Шильдкнехтом. Сам бергландец вошел на площадку минутой раньше. Спокойный, обманчиво-медлительный, с добродушным выражением лица – щекастого, усеянного веснушками – Шильдкнехт ждал соперницу, опустив близнецовые рапиры остриями вниз. Рухни небо, провались земля в тартарары, а этот человек, похожий на плюшевого медвежонка размером с гориллу, сонно вздохнет и спросит: «Что-то случилось?»

Если Диего Пераль и завидовал чему-то в сей брэнной юдоли скорбей, созданной для мучений грешников, так это спокойствию бергландца. Собственный разум маэстро с раннего утра, с той дьявольской пробежки, где двое коллантариев открыли Пералю ужасную тайну мятущейся души Энкарны де Кастельбро... О, разум плясал босиком на раскаленной сковороде, вскрикивая не от боли – от нетерпения. Ждать, пока коллант соберется на Китте? Это невыносимо! Будь в воле маэстро рвануться ввысь, за облака, не нуждаясь в компании, как безногий калека нуждается в приятелях, когда хочет подняться по лестнице в убогую мансарду – он ни секунды бы не колебался. Калека хотя бы может ползти по ступенькам, цепляясь руками за перила, а Диего Пералю отказали и в такой крошечной милости. Маэстро больше не считал коллантариев бесами, чья задача – погибель душ человеческих. Ни один бес, рожденный в преисподней, не способен так притворяться. Солдат, учитель фехтования, Диего оставался сыном своего отца, а значит, театральной косточкой, пылью подмостков. Он знал цену притворству, актерству, мастерству лицедея. Живчик, рассказавший Пералю о заоблачной встрече с Карни, не солгал ни в едином слове. Маэстро видел, как у помпилианца тряслись руки, прыгали губы, как нервный тик трепал нижнее веко, а в глазах, налитых кровью от недосыпа, мелькал ужас – чище ключевой воды, пронзительней крика ястреба на рассвете. На фоне бесстрастности гематра такая взвинченность напугала бы неискушенного зрителя – страх заражает быстрее чумы. Сказать по правде, Диего Пераль поначалу тоже испугался. Он не знал, что внутренне смирился с утратой; не знал, что согласен страдать, но не действовать – не знал до тех пор, пока вдруг не понял, что смирение выгорело дотла, а страдание превратилось в свирепую жажду действий.

Ждать? – хуже пытки.

– К бою!

Джессика Штильнер и Рудольф Шильдкнехт отсалютовали друг другу, и силовой колпак сомкнулся вокруг них. Бергландец принял свою обычную стойку, выставив оба клинка далеко вперед. Левая, ведущая рапира, слегка приплясывая, целилась острием в грудь Джессике. Правую руку Шильдкнехт поднял вверх, изящно отставив в сторону «подвешенный» локоть. Медвежонок превратился в журавля, начавшего раскрывать крылья, да так и замершего на середине движения. Чувствовалось, что Шильдкнехт, равно владея правой и левой руками, с легкостью поменяет стойку на противоположную, и не один раз, но главному положению «близнецов» он не изменит: передняя рапира – ниже, задняя – выше.

Выдерживая безопасную дистанцию, Джессика внимательно следила за маневрами противника. Каждая мелочь, каждое подрагивание мышц давали изошренному гематрийскому мозгу пищу для головоломных расчетов. Предсказывая намерения Шильдкнехта, девушка отлавливала атаку в зародыше, а финт – на вдохе; выстраивая чужую комбинацию до того, как она воплотилась бы в жизнь, фехтовальщица отсекала закладку фундамента раньше, чем на этом фундаменте воздвигся бы дом. Имея фору, подаренную особым талантом гематров, Джессика шпагой успевала контролировать пару рапир бергландца. Кинжал ученица Эзры Дахана держала вплотную к собственному телу, прижав к боку. Наверное, не слишком надеялась на короткий клинок, приберегая кинжал для ближнего боя.

Методичность бергландца сыграла с ним злую шутку: Шильдкнехта было нетрудно *считать*. Впрочем, и он мало-помалу приноровился к манере Джессики. Стальные запястья, шелковые плечи: хлесткими батманами Шильдкнехт тревожил шпагу соперницы, то и дело нанося мгновенные уколы в корпус. Все чаще шпага не справлялась с двойной нагрузкой, и тогда ей на помощь приходил кинжал: блестящая рыбка выныривала из воды, звенела во всеуслышанье: «Я здесь!» – и вновь уходила на глубину. Советы маэстро, одобренные тренером, Джессика выполняла безукоризненно, отступая не назад, а назад и в сторону, держа бергландца в центре круга. На прямой дорожке Шильдкнехт давно бы «начинил» девушку парой-тройкой *туше*. Но эскалонская цепочка прыжков и отскоков, похожих на фигуры замысловатого танца, смущала рапириста. Вынужден на выпаде делать отмашку второй рапирой, чтобы увести «близнец» под мышку или вниз, бергландец открывался сбоку – и Джессика пыталась реализовать этот шанс с методичностью, сделавшей бы честь самому Шильдкнехту.

Выигрышная сцена, подумал маэстро. Так сказал бы отец. Вся в красном, Джессика Штильнер служила центром композиции, подвижной точкой, куда стягивались взгляды. Декоративный, чуть ниже талии, плащ цвета свежей крови бился за плечами гематрийки от любого резкого движения – волна на привязи. Прекрасно, оценил маэстро. Главное, вытянуть кульминацию. Этот спектакль – краткий, в один акт. Дольше ей не продержаться.

– Ваша тактика? – спросили рядом.

Бок о бок с Диего, внимательно следя за поединком, стоял Антон Пшедерецкий. Весь в синем, при шпаге, он заранее оделся для боя – согласно расписанию схваток, встреча Пшедерецкого и бойца с Тилона намечалась после обеда. Лицо спортсмена – такое знакомое лицо, будь оно проклято! – оставалось безмятежным, как июльское небо: ни тучки, ни облачка. Кажется, Пшедерецкий – зритель из привилегированных, кому необязательно сидеть на трибунах, довольствуясь голограммой; зритель, а никак не боец, и уж тем более не фаворит турнира.

Даже в мыслях Диего Пераль запретил себе называть этого человека доном Фернаном. Будто в сказке, сковал сердце стальными обручами, обмотал цепью, запер на замок. Сердцу только дай волю! – слово за слово, имя против имени, глядишь, клинки уже вылетели из ножен. Маэстро и в детстве был сорванцом, мальчишкой из тех, кому ворованные яблоки слаще своих. Запреты действовали на него раздражающе.

– Сеньорита Штильнер, – ответил он, поразившись сухому, безжизненному звучанию собственного голоса, – ученица сеньора Дахана. Я – ее спарринг-партнер, не более.

Пшедерецкий рассмеялся:

– Прибедняетесь? Зря, господин Пераль. Или лучше – сеньор Пераль? Дон Диего?! Знал я ваших земляков: горячие парни! Поименуй любого не так, как он считает достойным, и добрая драка тебе обеспечена. А уж если речь пойдет о титуловании... Я прав, сеньор Пераль?

– В моем случае – нет. Зовите меня так, как сочтете нужным.

– Понимаю, – кивнул Пшедерецкий. – Спарринг-партнеру приличествует скромность. А мы тут на мыло изошли от любопытства. Как же, темная лошадка, любимчик старика Эзры, последний ученик Леона Дильгоа... Кое-кто болтает: лучший ученик. Дескать, Эзра недаром положил на вас глаз.

– Бойтесь конкурента? – вырвалось у Диего.

Он сразу пожалел о своей горячности. Если рядом с ним Антон Пшедерекский, чемпион и звезда спорта, спарринг-партнеру фехтовальщицы из второго (третьего?) эшелона должно быть стыдно за откровенную, ничем не подкрепленную наглость. Поступок, недостойный мужчины и дворянина – вот что значил вопрос о страхе и конкуренции. Если же с Диего Пералем беседует дон Фернан, прикрывшись чужим именем, словно щитом, тот самый дон Фернан, который в университетском зале разделал маэстро под орех...

Стоп, одернул себя Диего. Никаких Фернанов.

Пшедерекский с полминуты молчал. К концу этих тридцати секунд – колоссальный промежуток времени для фехтования! – события на площадке ускорились: Джессика стала агрессивно взвинчивать темп. *Считая* Шильдкнехта быстрее и быстрее, превратив в счетный механизм не только рассудок, но и все тело целиком, гематрийка орудовала шпагой на грани возможного. Единственным клинком, практически не пуская в ход кинжал, она вынуждала «близнецов» бергландца изворачиваться, чудом избегая фатального столкновения друг с другом. Преимущество Шильдкнехта, заключавшееся в длине рапир, контролирующей дистанцию, исподволь начало оборачиваться проблемой. Чтобы не запутаться, «близнецам» требовалась амплитуда движений, а значит, бергландец должен был перемещаться по площадке ничуть не медленнее, чем молодая гематрийка. Длина двух родственных рапир против длины и взрывной энергии двух девичьих ног – Джессика Штильнер взламывала ледяное спокойствие противника, и лед шел опасными трещинами.

– Вы мне не конкурент, – сказал Пшедерекский. В тоне спортсмена не крылось желания оскорбить, отомстить Диего за его выпад. – Нам не конкурент, таким, как я. Во-первых, я скоро оставлю спорт. Возраст, знаете ли. Лучше уйти на пике карьеры, чем прозябать на десятых ролях...

Десятых ролях, мысленно повторил Диего. Случайность? Оборот речи? Или намек: я в курсе вашего прошлого, хитроумный сеньор Пераль, в курсе, кто ваш отец, и вообще мне известно больше, чем случайному господину Пшедерекскому...

Стоп. Хватит.

Впервые маэстро пожалел, что мар Дахан смотрит поединок Джессики с Шильдкнехтом не вживую, а от судейского столика, в «волшебном ящике», позволяющем укрупнить любое действие, замедлить, повторить – короче, разобрать его, словно кусок вареной телятины, на волокна. Будь Эзра Дахан здесь, маэстро было бы проще замолчать, сделать вид, что целиком поглощен схваткой. Пшедерекский или дон Фернан – кто бы ты ни был, сеньор, при мар Дахане ты бы вел себя иначе.

– Вы тоже в возрасте, – продолжал Пшедерекский, нимало не заботясь душевным состоянием Диего. Взгляд его подмечал все изменения, происходящие под силовым колпаком. Это не сказывалось на манере разговаривать: доверительной, чуточку небрежной, ничем не похожей на утрированную томность дона Фернана. – Вам поздно начинать погоню за титулами, званиями, медалями, а в конечном счете – за славой и деньгами. Вы станете тренером, сеньор Пераль.

– А вы? – огрызнулся Диего.

И лишь потом сообразил, что в пророчестве Пшедерекского обижаться было не на что.

– Я? Вряд ли. Тренерский заработок меня не интересует. Я обеспеченный человек. Разве что я очень соскучусь по звону клинков... У меня к вам предложение, сеньор Пераль. Давайте заключим пари?

II

Направленный луч гиперсвязи перехватить невозможно – во всяком случае, теоретически. Лука Шармаль не был специалистом в данной области, но он доверял заключениям независимых экспертов. В особенности, хорошо оплаченных независимых экспертов. Те считали, что луч нельзя перехватить и практически, но засечь факт передачи и в конечном счете установить адресата – вполне.

По этой причине Лука Шармаль давно обзавелся личным комплексом гиперсвязи. Комплекс объединял в единую сеть узлы, установленные на всех планетах, где располагались резиденции финансиста. Сеть обошлась Луке в сумму поистине астрономическую, но глава семьи Шармалей считал, что безопасность того стоит.

Личные апартаменты банкира на Китте и переговорный пункт разделяло сто восемьдесят три метра по прямой. Или двести девяносто шесть метров, если идти через парк, мимо беседки, увитой плющом, и пруда с вуалехвостыми пираньями. Вызвать кар? Нет, обойдемся – людям в возрасте полезно гулять пешком на свежем воздухе.

Благоухание магнолий. Трепет слюдяных крылышек. Рой стрекоз над зеркалом пруда. Плавные изгибы вуалей – так пираньи хвостами подманивают добычу. Едва глупая рыбешка вознамерится вцепиться в соблазнительный хвост, как на месте хвоста возникает зубастая пасть.

Действие на опережение.

Вот чем собирался заняться Лука Шармаль: действиями на опережение. Джессика, его внучка, полагала такую тактику залогом успеха в фехтовании. «Только ли в фехтовании?» – мысленно спрашивал банкир, слушая эмоциональные монологи Джессики. Сочетание чувственности варваров и расчетливости гематров – присутствие внучки было для деда лучшим лекарством. Итак, опережение: сперва мы свяжемся с сенатором Тарквицием. Финансовое благополучие сенатора зиждется на фундаменте по имени Лука Шармаль, следовательно, Тарквиций будет сговорчив. А с людьми, на которых мы выйдем через сенатора, придется поторговаться. Значит, с ними мы встретимся лично.

Фундамент по имени Лука Шармаль. Превосходный, высокохудожественный, очень полезный для психического здоровья образ. Сегодня, вне сомнений, удачный день.

«Почему Помпилия?» – спросил банкир сам себя. И ответил: у нас нет предубеждений. Мы готовы сотрудничать с любым, кто предложит лучшие условия. Дано: помпилианцы ближе всех подошлись к тайне пассажирского колланта. Варианты решений: тянуть время? Ждать до последнего, пока служба безопасности Великой Помпилии сама выйдет на Луку Шармалю? Проигрышная позиция. Нет, господа сенаторы, это не вы раскрыли наш секрет и грозитесь вывести нас на чистую воду – мы сами обратились к вам с деловым предложением.

Нам и выдвигать условия.

Проснувшись на час раньше обычного, банкир старался думать о себе во множественном числе: мы обратились, нам выдвигать. Врач рекомендовал делать такую профилактику с регулярностью до трех раз в месяц. Иначе, говорил врач, апато-абулический синдром начинает дышать нам в затылок.

Дышать в затылок, отметил банкир. Сейчас воспользуемся.

Обращаться к кому-либо другому, когда помпилианцы дышат тебе в затылок? Нецелесообразно. Помпилия, строго-настрого запретившая своим гражданам выход в колланта с астла-нином «на поводке», как никто заинтересована в нашем секрете. Тут и соображения безопасности, и желание обладать приоритетом во всем, что связано с коллантами, и открывающиеся выгоды... Шармаль насчитал одиннадцать пунктов разной степени важности. Пунктов набралось бы до тридцати, будь Лука Шармаль лучше знаком со специфическими особенностями

помпилианской психики. Ряд факторов расчёту не поддавался, но и так было ясно: стоит намекнуть будущим партнерам, что секрет пассажирского колланта вместе с двухлетними практическими наработками может уплыть в чужие руки – или стать достоянием всей Ойкумены! – как рабовладельцы станут сговорчивей. Вероятность, что у них удастся выторговать приличные условия – девяносто три процента, плюс-минус четыре десятых. Главное, уведомить помпилианцев, что в случае конфликта интересов весь фактаж будет передан зятю банкира, и в открытом доступе появится академическая статья за авторством профессора Штильнера... Вариант со статьей – именно он, а не угроза передачи новой коллант-технологии конкурентам – оказывался наиболее действенным по всем расчетам. Это доставляло банкиру алогичное, парадоксальное, а значит, исключительно полезное для рассудка гематра удовольствие.

Материалы для ответного шантажа? У помпилианцев их нет. Допустим, они раскопают информацию о нелегальных перевозках. Это слегка подмочит нашу репутацию, но о приоритете в вопросе пассажирских коллантов рабовладельцам придется забыть. Они это поймут намного быстрее, чем успеют наделать глупостей. Вероятность силового развития ситуации, вплоть до покушения на нас? Ноль целых двадцать три сотых процента. Всем известна предсмотрительность гематров, особенно при сделках такого масштаба. В качестве страховки мы предупредим новых партнеров открытым текстом: в случае нашей скоропостижной смерти мы завещаем им...

Как говорит профессор Штильнер, будучи навеселе?

Ах да, вагон говна.

Свои выкладки Шармаль перепроверил четырежды, потратив три часа девятнадцать минут драгоценного времени. Ошибка исключалась: они договаряются.

– Добрый день, мар Шармаль!

Внешний пост охраны. Общее параметрическое сканирование. Внутренний пост. Папиллярный идентификатор. Проверка на наличие «жучков». Экспресс-анализ ДНК. Паранойя? Ничего подобного. Раз за разом в узлы гиперсвязи пытались проникнуть непрошенные гости. Однажды – под видом самого банкира, прибегнув к модификации тела.

– Прошу вас!

Вспыхнул зеленый индикатор. Лука прошел в кабину, коснулся дюжины сенсоров – пассаж, сложный даже для профессионального музыканта – активируя передатчик и контуры защиты. Обычно на узлы ставят три контура. Четвертый, особый, являлся сюрпризом для излишне любопытных.

– Аппий Лар Тарквиций на связи, – уведомила информателла.

В рамке возникло плоское изображение абонента. Розовощекий сенатор с благородной сединой на висках радушно улыбнулся банкиру:

– Аве, мар Шармаль!

– Здравствуйте, сена...

Изображение жизнерадостного Тарквиция мигнуло и пропало, рассыпавшись фейерверком разноцветных пикселей. На миг Луке почудилось, что улыбка сенатора зависла в центре рамки, отказываясь исчезать. Удостовериться, так ли это, Шармалю не дали – в рамке объявился незнакомый гематр лет шестидесяти пяти, одетый в сюртучную пару цвета «графит-электрик».

– Прошу прощения, мар Шармаль, что прервал ваш сеанс связи. Разрешите представиться: Яффе, *алам* Яффе. Уверен, нам с вами следует побеседовать, прежде чем вы продолжите разговор с сенатором Тарквицием. Я уже еду к вам.

– Когда вас ждать? – спросил банкир.

– Через тридцать семь минут сорок секунд. Это время вас устроит?

– Вполне.

Хвост, подумал Лука Шармаль. Хвост обернулся зубастой пастью. Изумительный образ; польза высшей пробы. Надо запомнить.

III

– Пари? – настаивал Пшедерецкий. – Я ставлю на Шильдкнехта: ваша подопечная скоро выдохнется. Ну как, принимаете?

– Ставлю на Джессику, – без колебаний ответил Диего. – Только учтите, я беден. Высокие ставки мне не по карману.

Пшедерецкий тихо засмеялся:

– Деньги? Нет, денежный выигрыш – это пошло. Давайте загадаем по желанию. У вас есть заветное желание? У меня – есть. Кто выиграет пари, у того исполнится заветное желание. Идет?

– Да, – кивнул Диего. – Принимается.

Он уже понимал, что этот удар пропустил. Заключил договор с дьяволом: все блага налицо, но отравлены неизбежной перспективой смолы, кипящей в котле. Рана болела: маэстро не знал, какое из двух желаний заветней. Убить донна Фернана? Увидеть Карни? Убить – значит ли это утешиться? Увидеть – значит ли это помочь? Воскресить? Господи, прости за ересь, кощунство, отвратительное святотатство, но – воскресить?! Если рапира, брошенная на морском берегу близ Эскалоны, способна возникнуть наваждением в безумном аду космоса, а затем – воплотиться холодной сталью на Хиззаце, возможно ли, что неприкаянная душа Карни, застряв на тернистой дороге, имеет шанс обрести не покой, не жизнь вечную – жизнь брэнную, плотскую, новую? Или рапир две – одна ржавеет у моря, другая греет бедро хозяина? И Энкарн де Кастельбро тоже станет две – одна воскреснет, как после трубы ангела, возвещающего Страшный суд, другая же продолжит скитаться в черных неверующих небесах?! Нет, лучше оставить мечты о чуде, лучше желать понятного: убийство, месть. Тогда и разочарование будет меньше. Два желания: заветные, ядовитые. Сбудется ли так, чтобы исполнились оба? Или придется выбирать? Или Господь, видя омерзительные колебания грешника, откажет рабу своему Диего в воплощении любых мечтаний, что бы раб ни выбрал?! Не загадывай, вспомнил Диего. Отец говорил: «Не загадывай, дурачок! Судьбе нет слаще удовольствия, чем разбить наши надежды вдребезги. Не загадывай, это все равно что трогать языком гнилой зуб...»

– Да, – повторил он.

На площадке бушевал вихрь. И маэстро, и Пшедерецкий, и уж тем более судьи, склонившиеся к «волшебным ящикам», прекрасно понимали, что эта пара фехтовальщиков не созрела для таких высоких скоростей. Плыла техника, чудил глазомер. Мастерство подменялось напряжением, точность – стремительностью, искусство – силой. С дистанцией творились чудовищные метаморфозы: казалось, соперники отбросят оружие прочь и вступят в рукопашный бой – а вот уже они далеко друг от друга, и лишь кончики клинков перезваниваются накоротке, отыскивая брешь для атаки.

Джессика Штильнер и Рудольф Шильдкнехт успели заполучить по десять-двенадцать килограммов лишнего веса – нейтрализаторы бдили, фиксируя каждое тушэ. Но отягощения не сказывались на динамичности маневров. «Раны», если так можно выразиться, располагались удачно, позволяя спортсменам без проблем принаравливаться к лишней тяжести.

– В нее легко влюбиться, – сказал Пшедерецкий. – Экий темпераментище...

Он еле слышно вздохнул:

– Темперамент гематрийки? Любовник госпожи Штильнер будет чувствовать себя извращенцем. Не находите?

– Обсуждать женщин в подобном тоне... – начал было Диего.

Улыбаясь, Пшедерецкий перебил маэстро:

– ...недостойно мужчины. Или даже так: недостойно благородного человека. Знаю, сеньор Пераль. Приношу глубочайшие извинения вам и госпоже Штильнер. У меня злой язык. Вы вызовете меня на дуэль? Без нейтрализатора?

В речи Пшедерецкого мелькнули знакомые нотки: верткие серебряные рыбы в мутной воде. Дуэль, подумал Диего. Намекает? Издевается? А может, все проще: я – варвар, мне чужда раскрепощенность цивилизованной Ойкумены, и я ищу подвох в обычной светской болтовне? Диего Пераль, ты смешон, как старомодный ботфорт в рубке космического крейсера...

– Извинения приняты, – сухо ответил маэстро.

Он ждал и дождался. Вихрь служил прелюдией, вступлением к экспромту, продуманному заранее самым тщательным образом. «Экспромт? – говаривал Луис Пераль, и в глазах отца играли смешливые искорки. – Задача актера, мальчик мой, состоит в том, чтобы убедить зрителя: ты импровизируешь на ходу, ты остроумен без подготовки. Ты должен преподнести публике акт творения: здесь и сейчас, приятного аппетита! Ничто не требует такой подготовки, как экспромты. Перефразируя эту мудрую мысль, я повторяю: ничто не требует такой подготовки, как необходимость уверить зрителя в том, что ты совершенно не готовился! Господь создал наш мир экспромтом. Я даже представить боюсь, сколько времени Он перед этим...» Тут маэстро обрывал отца, требуя почтения к вере. Сегодня, на турнире, Пераль-старший наверняка одобрил бы молодую гематрийку – Джессика сыграла, как по нотам.

– Черт возьми! – охнул Пшедерецкий.

Улучив момент, когда дистанция позволила пустить в ход короткий клинок, Джессика – из низкого парирования, даже не подумав выпрямиться – швырнула кинжал в лицо Шильдкнехту. Бросок был сделан без замаха: краткий, резкий всплеск кисти. Так стряхивают капли воды, так отгоняют назойливую муху. Гематрийский рассудок, способный к сложнейшим расчетам, фехтовальный опыт бергландца – все криком кричало, что у кинжала нет ни единого шанса попасть в цель острием. Тем не менее, Шильдкнехт отпрянул, чисто по-человечески среагировав на бросок. Он машинально приподнял своих «близнецов», пытаясь закрыться рапирами, и опоздал, потому что опоздание Джессика Штильнер просчитала до мельчайших тонкостей, как и подъем рапир в высокую позицию.

Кинжал угодил плашмя в плечо спортсмена. Честно отмечая любое попадание – силу, точность, качество потенциального ранения – педант-нейтрализатор добавил бергландцу самую малость: пятьсот граммов в худшем случае. Но эти злополучные полкилограмма, помноженные на мощное движение торса Шильдкнехта, вынудили бергландца откинуться дальше, чем он хотел, и поднять рапиры выше, чем он собирался. А Джессика уже заканчивала головокружительный пируэт, срывая с себя плащ освободившейся левой рукой. Завязки плаща, пришитые «на живую нитку», от рывка лопнули, и алая волна захлестнула, накрыла, повлекла в пучину скрестившихся «близнецов».

Шпага вонзилась Шильдкнехту под челюсть.

Вернее, вонзилась бы, сражайся бойцы всерьез. Здесь же, на площадке, острие шпаги отскочило от нежной плоти, словно ударились о каменную стену. Смертельное ранение – нейтрализатор одарил бергландца дополнительным весом, равным собственному весу Шильдкнехта. Спортсмен рухнул, как подкошенный. В падении он умудрился высвободить левую рапиру – и, воспользовавшись мигом торжества Джессики Штильнер, нанес девушке изумительный укол выше колена.

Двойной укол, отметил Диего. Правая рапира, следуя за освободившимся «близнецом», ужалила бедро Джессики через ткань плаща. Рудольф Шильдкнехт был природным бойцом, он дрался до конца. В реальной схватке оружие проткнуло бы и плащ, и ногу. Учитывая, что он бил вслепую, не в силах оторвать щеки, превратившейся в гирю, от пола... Браво, одними губами произнес Диего. Браво, земляк.

– Браво! – воскликнул Пшедерекский. Бледные щеки его окрасились слабым румянцем. – У Руди мертвая хватка! Не правда ли, он мастер?

– Маэстро, – согласился Диего. – Что же вы скажете о сеньорите Штильнер?

– Восторг. Чистый восторг. Это, признаюсь честно, еще не мастерство. Но в будущем, при должном усердии, это может подняться выше мастерства.

– О да, вы правы. Это талант.

– Талант?

– Мой отец сказал бы, что это искусство.

– И, как любое искусство, – по лицу Пшедерекского бродила рассеянная улыбка, – оно, свобода во плоти, существует строго в рамках правил. Уверен, вы заранее выяснили, что бросок и плащ не вызовут негативной реакции судей. Это же ваша идея?

Диего кивнул:

– Идея моя. А с правилами разбирался мар Дахан. Он сказал, что соответствие правилам – девяносто восемь целых шестьдесят две сотых процента.

– Почему не сто?

– Мар Дахан убежден, что стопроцентных вероятностей не существует.

Джессика хромала к выходу с площадки. Маэстро вспомнил каторжан – убийцы и налетчики, сосланные в каменоломни Тренбальса, ходили точно так же, таская за собой пушечное ядро, цепью прикованное к щиколотке. По счастью, девушке хватило навыков, помноженных на инстинкт самосохранения, чтобы отшатнуться от Шильдкнехта сразу по получению «ран». Она упала, больно ударилась локтем, выронив шпагу, и напряжением всех мышц, больше похожим на судорогу, отбросила себя еще на метр от бергландца. Валяясь ничком, он не мог в третий раз достать соперницу рапирой – сердце, печень, другой жизненно важный орган. Отквитай упрямец смертельное ранение, и успех восхитительной сеньориты Штильнер пошел бы насмарку. Адреналин кипел в крови девушки, мобилизуя тело на подвиг; гематрийский рассудок до мелочей просчитывал распределение дополнительной нагрузки, контролируя ходьбу.

– Прошу прощения...

Диего шагнул к выходу с площадки, готовясь подхватить девушку, когда та переступит условную границу. Он забыл, что нейтрализатор отключится сам, едва Джессика окажется вне силового колпака, а значит, стинет и дополнительный вес на ноге. Он видел, чувствовал, понимал одно: раненая ковыляет, сейчас упадет, и долг мужчины... Маэстро протянул руки к гематрийке – и внезапный столбняк превратил его в статую.

– Ад и пламя!

– Извините, ради бога. Я, кажется, не вовремя...

Карни выглядела моложе обычного: совсем девчонка. Тонкое белое платье, голые колени. Кровь ударила маэстро в лицо, щеки закололо тысячью иголок. Господь Горящий! Миг назад он стоял вплотную к Джессике Штильнер: лицом к лицу, грудь в грудь. Руки вскинуты вверх, клинки рапиры и шпаги скрещены в сильных частях. Только сейчас Диего понял, как сильно он вспотел. Да от меня разит, сказал себе маэстро. Хуже, чем от кобеля, высунувшего язык по жару. Господи, как стыдно! Господи, почему мне так стыдно?

Он не мог прикоснуться к Джессике. Не мог, и все тут. Девушка уже падала, левой ногой шагнул за порог, а Диего Пераль – проклятье! – стоял столбом и задыхался от мышечного спазма.

– Позвольте мне...

Ловко обогнув маэстро, борющегося с приступом каталепсии, Антон Пшедерекский принял на руки падающую Джессику. Вскинул поудобнее, подмигнул: удобно ли, сеньорита?

Вымотанная до предела сил, гематрийка доверчиво обхватила Пшедерецкого за шею, опустила голову ему на грудь и пробормотала:

– Я сейчас усну. Честное слово...

– Спице хоть до завтрашнего утра, – предложил галантный чемпион. – Я отменю свой поединок с тилонцем. Спеть вам колыбельную? У меня драматический тенор.

– Нейтрализатор, – прохрипел Диего, чувствуя себя лишним. – Он что, не отключился?!

Пшедерецкий смотрел на маэстро поверх плеча Джессики:

– Он отключился.

– Тогда почему она упала?!

– Организм не сразу корректирует исчезновение нагрузки. Я бы удивился, останься она на ногах...

На площадке ассистент отключал нейтрализатор Шильдкнехта.

– Не завидуйте, сеньор Пераль, – как ни странно, иронизируя, Антон Пшедерецкий делался абсолютно не похож на дона Фернана, тоже склонного к издевке. – Завидовать дурно. Если хотите, возьмите на руки господина Шильдкнехта. Уверяю, он будет счастлив. Выигрышная сцена: земляки находят друг друга. За такую сцену режиссеры продают душу дьяволу. Кроме того, у вас есть предо мной могучее преимущество.

Диего хотел промолчать. И не удержался:

– Какое?

– Желание.

– Что?!

– Ваше заветное желание исполнится. А мое – нет.

– Почему?

Пшедерецкий расхохотался:

– Вы же выиграли пари?

Тысяча чертей, подумал Диего. Совсем забыл.

– Вы делали на меня ставки, – буркнула Джессика. – Сволочи.

IV

– Рекомендации врача.

– Полезно для психики?

– Полезно для позвоночника.

Это была лишь часть правды. Травма позвоночника – последствия «горячего» выхода с Терафимы – едва не запрессовала Идана Яффе до конца его дней в тараканий панцирь экзоскелета. Врач-консультант в реабилитационном центре «Каф-Малаха» действительно рекомендовал Яффе больше ходить и стоять, нежели сидеть. Но отказ присесть давал также определенное психологическое преимущество. Он позволял проследить за реакцией собеседника: останется стоять или все же сядет? Если сядет, то как именно? Как хозяин, потому что дома? Как гость, несмотря на то, что дома?

Мелкие факты, думал Яффе. Мелкие факты приводят к большим выводам. Веки моргают, пальцы берут чашку с кофе, затылок вжимается в плечи. Энциклопедия, если ты обучен чтению с листа. Интересно, что имел в виду мар Шармаль, говоря о пользе стояния для психики? Намекал на очевидность уловки внезапного визитера? Демонстрировал что-то сугубо личное, скрытое от посторонних? Ладно, оставим на будущее.

– Как угодно, мар алам. Я, с вашего позволения, присяду.

Лука Шармаль опустил в кресло, активировал в кабинете усиленный конфидент-режим, закинул ногу за ногу и замер. Меня переиграли, говорила поза банкира. Ситуация изменилась кардинальным образом. Но за тридцать семь минут сорок секунд, в течение

которых вы, алам Яффе, добивались до моей резиденции, я успел подготовиться к разговору. Я провел все необходимые расчеты с новыми исходными данными: поле выгод значительно сузилось, тем не менее, на нем остались возможности для торговли и маневра. Требуется дополнительная информация, значит, меняется тактика: первый ход я предлагаю вашей стороне.

Не первый, уточнил Яффе, завершая анализ поведения собеседника. Второй, если быть точным. Первый ход я – реальный я, а не вы, мар Шармаль, чьи мысли я кодифицировал личным местоимением «я» для удобства – так вот, первый ход я сделал, вклинившись в ваш сеанс связи, защищенный всеми мыслимыми и немыслимыми средствами. Ход сильный, дебют за мной. Впрочем, основная партия нам еще предстоит, и вы дадите мне об этом узнать.

Эзра Дахан, старый учитель фехтования, способный по стойке противника смоделировать весь бой от начала до конца, а главное, такой же гематр, как эти двое – о, Эзра Дахан оценил бы краткую схватку Идана Яффе и Луки Шармалья по достоинству.

– Рискну показаться невежливым, но предлагаю обойтись без вступления. Это сэкономит время нам обоим, – дождавшись еле заметного кивка финансиста, Яффе продолжил: – Мы давно наблюдаем за вашей деятельностью, мар Шармаль.

– Как давно?

– С первых экспериментов по созданию пассажирского колланта.

– Это не так, – возразил Лука Шармаль. Сонным взглядом рептилии он уставился в окно. – Вы следили за мной и раньше. Ваша ложь подтверждает мои расчеты. Моя встреча с профессором Штильнером – варвары называли бы ее «судьбоносной»... Вероятность того, что ее инициировала ваша организация, теперь, с учетом новых факторов, составляет восемьдесят два процента. Я говорю о встрече, на которой Штильнер подтолкнул меня к идее создания пассажирского колланта.

Яффе качнулся с пятки на носок:

– Полагаете, Штильнер – наш агент?

– Вы хотите меня обидеть, – банкир моргнул, и взгляд его снова остекленел. – Ни один гематр, знающий Адольфа Штильнера в достаточной степени, не предположит, что этот человек способен быть чьим-то агентом. Вы использовали профессора без его ведома. Как? Это не мое дело. Перейдем к коллantu: что именно вы знаете? Ответ «всё» меня не удовлетворит.

– У вас имеются три таких объекта. Все их участники нам известны. Могу перечислить поименно...

– Я верю вам на слово. Продолжайте, мар алам.

– Принцип создания пассажирского колланта – включение в него помпилианца с астлянином на ментальном поводке. Скорость перемещения, максимальное количество пассажиров; клиенты, перевезенные вашими коллантами за два года...

Идан Яффе сделал паузу, приглашая финансиста вступить. Количество времени, которое понадобится банкиру, чтобы взвесить полный комплект «за» и «против», Яффе оценивал в четыре десятых секунды. Для паузы он выделил время в десятикратно большем размере – чисто гематрийская демонстрация уважения к собеседнику.

Одна секунда. Две. Три.

Четыре.

– Два года вас всё устраивало, – бросил Шармаль.

Я знаю причину вашего визита, утверждал финансист. Более того, я знаю причину, которая толкнула вас, мар алам, обставить ваше явление самым эффектным, чтоб не сказать, театральным образом. Я знаю причину, а вы ее озвучьте. Этим вы покажете, что согласны идти на уступки.

– Причина того, что мы нарушили, как говорят помпилианцы, status quo, – принадлежит Яффе к другой расе, он бы сейчас холодно усмехнулся, – очевидна. Великая Помпилия слыш-

ком близко подобралась к вашему секрету, который мы видели перспективным достижением расы Гематр. Вы...

– Вцепилась зубами, – перебил его банкир.

– Что?

– Вцепилась зубами в мой секрет. Я бы предпочел этот образ. Вы в курсе, что художественные образы служат профилактикой психических расстройств нашей расы?

– С вашего разрешения, мар Шармаль, я не стану развивать эту тему. Итак, вы решили сыграть на опережение и предложить империи сотрудничество. На вашем месте я бы принял точно такое же решение. Замечу, что Бюро отнюдь не склонно считать его нарушением наших расовых интересов. Бизнес есть бизнес. От помпилианцев вы бы добились наиболее выгодных условий сотрудничества.

Банкир сел прямее. Вцепиться зубами, читалось в его позе. Художественный образ, полезный для душевного здоровья. Не только помпилианцы в мой секрет – ваша контора, мар алам, вцепилась зубами в меня самого. «Не склонны считать нарушением» вместо конкретного «не считаем нарушением». Это значит: «не склонны в данный момент». Это значит: «а ведь можем и счесть». Смыслы двойные, тройные; чем глубже смысловой слой, чем безопасней он с виду, тем явственней угроза. Хотя формально, мар алам, вы мягко стелете и сладко кормите.

Вот вам сразу две метафоры – бальзам для рассудка.

– У вас, – свой статус хозяина дома Лука Шармаль подчеркнул, отмерив паузу в шесть полновесных секунд, – есть альтернативное предложение. Оно будет менее выгодным, чем сотрудничество с Великой Помпилией. Это я понял сразу. Но и Бюро меня не обидит. Разумеется, если я пойду на сотрудничество без предварительных условий.

– А вы пойдете? Без условий?

– Да, и вы это прекрасно знаете. У вас на руках все... э-э...

– Козыри, – подсказал Яффе.

Он уже выяснил, как надо вести беседу с финансистом. Метафоры? Хорошо, пусть будут метафоры. Забавно видеть, как профилактика одного психического расстройства сама по себе становится другим психическим расстройством. Гематрам тоже кое-что забавно видеть, что бы ни думали о нас инорасцы.

– Спасибо, – поблагодарил банкир. – Да, козыри. Именно козыри. Вам известен принцип создания пассажирского колланта. Известны его характеристики. Бюро вполне способно обойтись без Луки Шармаля. Тем не менее...

Он замолчал, предлагая гостю продолжить реплику.

– Зачем создавать систему с нуля, когда можно использовать уже имеющуюся? – Яффе вообще отказался от паузы. Расчет показывал, что алам поступает верно. – Нас устраивает ваша система, мар Шармаль. Вы – ее создатель, вы им и останетесь. Разумеется, в систему придется внести ряд корректив. Вы поможете нам оптимизировать перечень изменений?

– Вы знаете, что я соглашусь, и я это знаю. Но прежде, чем мы перейдем к условиям нашего соглашения...

– Да, мар Шармаль?

– Разведка Помпилии выйдет на один из моих коллантов в самое ближайшее время. Я даю четыре дня максимум. В интересы Бюро входит сохранение тайны? Или только сотрудничество со мной?

Последние два вопроса означали иронию. Ее не было ни в голосе, ни в позе, ни в мимике Шармаля. Но Идан Яффе безошибочно уловил акценты, расставленные собеседником.

– Секрет пассажирского колланта должен остаться секретом. Во всяком случае, какое-то время. На случай раскрытия тайны помпилианцами у Бюро существует отдельный план эвакуации...

– ...коллантариев на гематрийские планеты, – перебил его Шармаль. – У вас есть время для реализации плана. На коллантариев Великая Помпилия еще не вышла. Сейчас рабовладельцы разрабатывают...

– ...Диего Пераля, пассажира, – настала очередь Яффе перебить банкира. – Его мы эвакуируем в первую очередь.

– Он согласится?

– Это наша проблема.

– Вы ее решите?

– Мы ее решим.

Гематры замолчали на пять с половиной секунд. Какой-нибудь Луис Пераль, варвар-драматург, счел бы это молчание красноречивейшим на свете. В нем крылась масса полезной, хотя и малохудожественной информации. Бюро желает держаться в тени. Формально Лука Шармаль остается во главе проекта. Эвакуацию обеспечивает Бюро. Соответствующие распоряжения коллантариям будут исходить от мар Шармаля. При необходимости коллантарии эвакуируются вместе с семьями. Для помпилианцев и их аслан – гематрийское гражданство. Для остальных – по желанию. Затраты по этим статьям – за счет Бюро. Будущих клиентов, маршруты и сроки доставки определяет Бюро. Гонорары коллантариям сохраняются. Их выплату Бюро берет на себя. С интересующим нас пассажиром Бюро решит вопрос самостоятельно. Добровольная эвакуация объекта предпочтительней. Если объект будет упорствовать, возможны два варианта: похищение и ликвидация. Помпилианцы не должны выбить из него информацию о колланте. Одно дело – предположения и догадки, и совсем другое – точное знание. Без подтверждения Великая Помпилия не начнет собственные разработки темы. Раса Гематр получит фору по времени. Для чего?

С вероятностью семьдесят четыре и три десятых процента Лука Шармаль уже знал, что предложит ему представитель «Каф-Малаха».

– В чем мой интерес? – банкир решил подыграть Яффе, притворившись, что не в состоянии рассчитать ответ самостоятельно. Для гематра продемонстрировать свою неосведомленность означало то же самое, что для волка – принять позу покорности и подставить горло более сильному самцу. Сейчас это было как нельзя кстати. – Сотрудничество подразумевает двустороннюю выгоду.

– Ваш интерес, мар Шармаль, хорошо просматривается в среднесрочной перспективе. «Трансгалактический коллант-туризм» – вам нравится такое название для компании по пассажирским перевозкам?

– Нет. Длинно и тяжело.

– Уверен, ваши специалисты придумают лучшее название. Готовьтесь расширяться, мар Шармаль. Цены придется снизить, но вы выиграете за счет увеличения количества перевозок. С персоналом – в частности, помпилианским – мы на первых порах вам поможем.

– Официальная компания исключает секретность. Помпилианцы быстро обгонят нас по количеству новых коллантов.

– Вы снимете первые сливки. Вам нравится этот образ: «снять сливки»? Да и впоследствии компания принесет весомую прибыль. Главное же – репутация. Ваша компания станет первой в Ойкумене. Плюс официальный приоритет открытия. Этого факта не отменит и миллион помпилианских коллантов.

Пауза затянулась на девять секунд. Этого времени Луке Шармалю хватило, чтобы вчерне прикинуть косвенные и долгосрочные выгоды будущего проекта. С прямыми и краткосрочными все было ясно и так. Банкир оценил щедрость гостя: восемьдесят семь и семь десятых процента от максимума, какой можно получить при сотрудничестве с Бюро. Плюс шанс приблизиться к максимуму еще на три целых и две десятых процента – разумеется, при уточнении ряда деталей.

– Я...

Согласие, произнесенное вслух – чистая формальность. Но этой формальности банкира лишил сигнал уникома Идана Яффе. Номер алама был известен немногим, и немногие, как бы они ни звались, вряд ли стали бы беспокоить Яффе по пустякам.

– Прошу прощения.

Яффе взглянул на табло: звонил Эзра Дахан, тренер. Именно звонил, а не прислал сообщение. Это значило, что Диего Пералю грозит опасность. Вероятность – восемьдесят семь целых и семь десятых процента. При уточнении ряда деталей опасность грозила вырасти еще на три целых и две десятых процента.

Совпадение расчетов мар Яффе и мар Шармаля, учитывая, что первый считал выгоду, а второй – опасность, посторонний свидетель счел бы случайностью. Но раса Гематр не верила в случайности – так, как другие верят в бога.

Выигрышная сцена, сказал бы Луис Пераль, Чудо Природы.

Контрапункт

Из пьесы Луиса Пераля «Колесницы судьбы»

Герцог:

Я никогда не мог его понять:
Он то свистел дроздом, то жалил оводом,
Но это ведь не повод для меня
Его ударить, оскорбить, отнять...

Маркиз:

А что тогда вы назовете поводом?

Герцог:

Да что о нем я знаю? Ничего!
Он дома, он в пути, и снова дом –
Но это ведь не повод взять его
За шкуру и вклеить в лицо плевков?

Маркиз:

А что тогда вы назовете поводом?

Герцог:

Он плавал по реке без берегов,
Он за стихом ходил, как ходят по воду,
Но это ведь не повод для врагов
Размазать горсть талантливых мозгов?..

Маркиз:

А что тогда вы назовете поводом?

Герцог:

Его слова – обидные слова,
Они сминают честь колесным ободом,
Но это ведь не повод и для вас
Нанять бандитов, коль не врет молва...

Маркиз:

А что тогда вы назовете поводом?

(встает, подходит к окну)

Вы ищете причины, где их нет,
Не может быть Господним попущением
Иль дьявольским коварством! Ваш поэт
Еще раз гавкнет – и покинет свет
Во цвете всех своих беспутных лет!

Герцог:

Но что тогда мы назовем прощением?

Глава третья

Заклеймить нельзя убить

I

- Приношу свои извинения, донья Эрлия.
- Вы игнорировали мои вызовы!
- Еще раз прошу меня простить.
- Да, но вы...
- Я был очень занят.

Помпилианка звонила ему трижды. Или больше? Все вызовы Диего – грешен! – сбросил. Кажется, они договаривались насчет очередной беседы в перерыве между поединками. Корову следовало подоить: парная, свежая порция воспоминаний «любимого ученика Леона Дильгоа о великом учителе». Когда они улаживались встретиться? На память Диего Пераль не жаловался, но договоренность с журналисткой, если она была, эта чертова договоренность, напрочь вылетела у маэстро из головы.

- Извинения приняты, дон Диего.
- Я счастлив, донья Эрлия.
- Надеюсь, сейчас вы свободны?

Улыбка, отметил маэстро. Очаровательная улыбка. Правда, холодней обычного. Стальной, острый холодок. Или так и должно быть, когда помпилианка спрашивает тебя: «Вы свободны?» Еще вчера мне нравилась эта улыбка. Я видел в ней понимание и участие. Что я вижу сейчас, если мне хочется взяться за рапиру?

Донья Эрлия поймала его в конце прогулочной дорожки, на задах трибун и смотровых павильонов, у подножья вулканического склона. Ветер трепал седые метелки пампасной травы, напоминая Диего о буйной шевелюре отца. Вскипали облака розового пуха – тамариск на фоне темной зелени криптомерий смотрелся очень по-театральному. Мурлыкал ручей, масляно блестя дубовые мостки; в зарослях прятались «ракушки» – миниатюрные беседки. Ни души кругом – еще минуту назад Диего радовался удаче, рассчитывая хоть немного побыть в одиночестве, и вот – не сложилось.

Под ветвями цветущей гледичии царил сумрак. Соткавшись из теней и редких световых пятен, Эрлия выступила навстречу маэстро – призрак, явившийся испортить жизнь горемычному сеньору, сцена из ранней комедии Пераль-старшего, не снискавшей славы у публики.

- Свободен, – вздохнул Диего.
- Ну хоть какая-то хорошая новость!
- Я вас огорчу, донья Эрлия. Через сорок минут начнется бой, на котором я обязан присутствовать.
- Полчаса? Мне хватит.
- Еще одна улыбка. Почему он нервничает, когда эта женщина улыбается?
- Боюсь, я не в настроении. Жизнь маэстро Дильгоа была насыщена событиями, а моя жалкая память...
- Речь пойдет не о вашем учителе.
- Тогда о ком же?
- О вас, дон Диего.

Нет, обреченно понял Диего. Я попал, как кур в ошип. Меня выпотрошат, сварят и съедят без соли. И тут до маэстро дошло – с возмутительным опозданием! – что сказала помпилианка.

– Обо мне?

– Вы удивлены?

– Это мягко сказано. Я потрясен.

– Может, пригласите даму в беседку? Или вас, дон Диего, следует обсуждать на свежем воздухе? Посреди дорожки?!

– Да, конечно! Прошу вас...

Будь ты проклята, вежливость! Будьте прокляты, манеры! Ну почему он не в состоянии раскланяться и уйти?! Я выбит из колеи, сказал себе маэстро. Я – труп, поднятый из могилы. Но, сказать по чести, в том нет вины доньи Эрлии. Она просто...

Просто – что?

В беседке, густо увитой плющом, правили бал пурпур и зелень. Лучи солнца кололи завесу смешными пажескими шпажками. Подсвеченные здесь и там, листья превращались в витражи окон собора Святого Выбора. Маэстро дождался, пока донья Эрлия присядет на круговую скамейку, разомкнутую прорехой входа, и сел напротив. Их разделяло полтора шага – вынужденная близость в Эскалоне послужила бы темой для сплетников.

– Я связалась с Октубераном. Руководство академии фехтования предлагает вам место тренера. Высшая ставка, жилье, социальные льготы. В перспективе, если вы изъявите желание – гражданство. Контракт я переслала на ваш уникор час назад. Ну же? Вы не расцелуете добрую вестницу?!

Диего слышал слова. Они складывались во фразы. Маэстро даже улавливал общий смысл. Ему предлагали рай. Рай его не интересовал. Что за рай, если душа Карни до сих пор летит на Хиззац, чтобы встретиться со своим ястребом? Ястреб удрал, облез, сложил крылья; ястреб сидит на жердочке, кушает с чужой руки и не чирикает. А Карни все летит на Хиззац, и так – до Страшного суда...

– Вы не рады?

– Я рад.

– Вы согласны?

– Нет.

– Кто иной кинулся бы мне ноги целовать, дон Диего! Кто иной, но только не вы. Вы горды и независимы. Хорошо, попробуем еще раз.

Беги, подсказывало чутье. Беги, дурачина! Маэстро сидел, как прибитый к скамейке. Бежать от женщины? От слабой безоружной женщины? Всего лишь потому, что вдоль хребта шныряют стаи колких мурашек, а волосы на затылке встают дыбом, как шерсть на загривке волка, почуявшего опасность?!

– Полчаса, – напомнил он. – Я ограничен во времени.

– Один вопрос, дон Диего. Один простой, хотя болезненный вопрос. Вам известно, кто убил Энкарну де Кастельбро?

Маэстро молчал.

– Известно, – кивнула донья Эрлия.

Помпилианка изменилась: милосердная принцесса обернулась беспощадной королевой. В истории Эскалоны такие метаморфозы случались с завидной регулярностью. Здесь не Эскалона, но история везде одинакова. Главное, взобраться на трон.

– Отлично известно. Вы не умеете врать, дон Диего. Даже молчанием вы не умеете врать. Вы знаете убийцу, и вы хотите отомстить. У вас больше не осталось желаний. Выгорели, пошли прахом. Месть – последнее, что осталось. Иначе вы давно бы покончили с собой.

Сейчас она предложит мне помощь, подумал Диего. Помощь в мести. Какой сюжет! Отец бы плясал от радости, приди ему в голову эдакая коллизия. Она приведет дона Фернана на веревочке и подержит, пока я стану колоть врага рапирой. Конечно же, подержит, иначе

я могу и не справиться. Как я догадался, что она собирается помочь мне? Откуда эта уверенность? Неужели Джессика права, и я – латентный телепат?!

– Вы солгали мне, – сказал он. – Вы не журналистка.

– Нет, – согласилась донья Эрлия. – Если мы говорим начистоту, как взрослые люди: нет, я не журналистка. У меня есть связи в определенных кругах. Месть – блюдо, которое...

– ...надо есть холодным, – кивнул Диего.

– Скажем иначе: которое могут для вас приготовить. У нас превосходные повара.

Еще вчера маэстро ухватился бы за такой шанс, как пьяница – за протянутую ему бутылку. Ухватился и даже не спросил бы, что потребуют от него взамен.

– Что умеют готовить ваши повара, донья Эрлия?

– Все.

– Выстрел из-за угла? Нож в спину?

– Вас устроят эти варианты?

– Вряд ли. Мое обучение у лучших специалистов?

– Это можно организовать.

– Секретные методики?

– Допустим.

– Новые руки?

– Если понадобится. Я слышала в вашем голосе иронию? Напрасно, дон Диего.

Вы не представляете, на что способна медицина Великой Помпилии!

– Увы, представляю. Приживутся, как миленькие...

– Вы согласны?

– Спасибо, донья Эрлия. Вы слишком добры ко мне.

– Это значит «да»?

– Это значит, что ваше предложение меня не интересует.

– Я знаю, – женщина явно рассчитывала на другой ответ, – вы не ожидали подобного оборота дел. Вам надо собраться с мыслями, взвесить «за» и «против». Не торопитесь с отказом, дон Диего! На Октуберане...

– Нет, – сказал маэстро.

И встал, давая понять: разговор окончен.

II

Лигр повернул голову.

Взглянув янтарным глазом на малыша, деловито обживавшего могучую спину хищника, зверь зевнул во всю пасть. Мамаша за соседним столиком ахнула от ужаса, а сын – бутуз лет четырех – замороженно, как кролик на удава, уставился в пышущую жаром глотку зверя. Внутри пасти мальчишка, пожалуй, уместился бы целиком, свернись он калачиком. Мелкий храбрец вознамерился проверить эту грандиозную идею – и с решимостью Генерала Ойкумены сунулся вперед. Окрик матери запоздал, но лигр захлопнул пасть перед носом обиженного ребенка и отвернулся. В отместку мальчишка принялся теревить зверя за уши.

Зверь не реагировал.

Голиаф был модифицированным гибридом, рожденным тигрицей Лалит от льва Кирана. Так значилось в его паспорте. Еще там значились четыре с половиной метра в длину, не считая хвоста, и шестьсот семьдесят килограммов веса. «Шестьсот кило лени и семьдесят кило добродушия,» – шутил Давид Штильнер, когда трепал любимца за холку и чесал под нижней челюстью. Ласка требовала от Давида изрядных мышечных усилий, но дело того стоило. Счастливый Голиаф блаженно жмурился, и его огромная морда расплывалась в ширину до совершенно неприличных размеров. С мимикой у Голиафа все было в порядке. И с аппетитом тоже.

И с сертификатом безопасности.

«Разрешен выгул в публичных местах без поводка, намордника и других средств контроля. Разрешен провоз всеми видами транспорта. Радиус свободного перемещения – до ста метров от хозяина. Неагрессивен, опасности для людей и животных не представляет,» – значилось в сертификате Голиафа. Плюс выписки из заключений экспертов, результаты тестов и прочая, прочая, прочая. Голиаф не мог навредить человеку даже случайно, чем без зазрения совести пользовалась вся малышня в пределах досягаемости.

Для родителей-перестраховщиков в паспорте стояла отметка: «модифицированный». А не доверяете, так дайте чаду по заднице и заберите, если сумеете.

Эзра Дахан подозревал, что среди параметров модификации лигра прячутся весьма любопытные пункты. Размерами и послушанием таланты Голиафа не исчерпывались. Вероятность – восемьдесят два с половиной процента. Но расспрашивать об этом Давида тренер считал неэтичным.

Захочет – сам расскажет.

– ...закончился? Вот засада! – огорчился Давид, узнав, что опоздал на бой сестры с берг-ландцем. На Китту он прилетел два часа назад и, взяв аэротакси, сразу помчался в «Тафари». Сестра на вызов не отвечала; у Джессики имелась уважительная причина – поединок с Рудольфом Шильдкнехтом. Давид позвонил еще раз, из снятого номера; получив отказ, набрал мар Дахана. «С Джессикой все в порядке, – заверил тренер, – она сейчас в душе. Приезжайте в кафе «Камбамбе», мар Штильнер, я там буду обедать...»

Давид просил, требовал, умолял, чтобы мар Дахан был с ним на «ты», но старый тренер предпочитал держать дистанцию.

- Есть запись, мар Штильнер. Бой, как минимум, зрелищный.
- Вечером гляну, – воспрял Давид. – А когда у нее следующий?
- В семнадцать тридцать.
- Отлично! Еще куча времени...

Звякнула линия доставки. Из стола выехал заказ: дымящаяся тарелка с харирой. Суп-лапша с бараниной, обильно сдобренный черным перцем и зирой, иному обещал изжогу на неделю вперед. Но Давиду от отца достались титановый желудок и печень-аннигилятор. Сестра в смысле диеты вела себя куда осторожней брата. За харирой возникли плошки с салатами-кемейя, финиковый хлеб и запотевший бокал светлого пива. Голиаф шумно втянул носом воздух и облизнулся. Пантомиму лигр устроил для порядку: зверь был сыт.

- Макс, оставь монстра в покое!
 - Не-е!
 - Это тебе не игрушка!
 - Иглушка! – бутуз надул губы. – Ма, хочу тигра!
 - Еще не хватало!
 - Купи мне тигра!
 - Не канючь! Кто кашу не доел?
 - Я!
 - Кто плохо кушал?
 - Я!
 - Вот тигр хорошо кушал – видишь, какой кошмарный вырос!
- Макс оценил перспективу:
- Я буду холосо кусать!
 - Вот когда будешь, тогда и посмотрим.

В прошлый приезд Давид Штильнер носил волосы до плеч, стягивая их в «конский хвост». Сейчас же молодой человек депилировал голову «под ноль», превратившись в абсолютную копию сестры. «Близнецы,» – напомнил себе тренер. Напоминание было не лишним.

Эзра Дахан, сам того не желая, следил за пластикой Давида. Как тот садится за стол, как тянется за ложкой, подносит ко рту... Скверная, нефункциональная координация. Угловатые, расхлябанные движения. Все это надо править. Нет, не надо. Это не Джессика, та движется иначе. Тренер привык к сходству близнецов, к их пси-коктейлю: варварской эмоциональности, помноженной на гематрийский расчет. Но депиляция Давидова черепа включала у мар Дахана ошибочный рефлекс: моя ученица утратила форму, ее нужно переучивать заново.

Профессиональная деформация, отметил Дахан. Старею, теряю контроль. Передо мной – юноша, который изредка, между делом, поигрывает в теннис. Другие навыки, другая схема движений. Пора на пенсию – не сейчас, но скоро. Четыре года, семь месяцев и одиннадцать дней по календарю Таммуза, родины Эзры Дахана – и все, хватит. Преемник есть, осталось...

Голиаф беспокойно поднял голову. Вся сонливость лигра улетучилась в момент, испарилась лужицей под июльским солнцем. Под шкурой обозначились чудовищные мускулы, резко проступили лопатки, похожие на мощный горб. Зверь подобрался, словно перед прыжком. В глотке заклокотал басовитый рык, контрапунктом задребезжала, заплясала посуда на столах. Кубарем скатившись со спины зверя, малыш со всех ног припустил к маме. Даже не заметив бегства ребенка, Голиаф уставился на Давида:

«Опасность! Прикажи, хозяин!»

Рык смолк. Утихла посуда. Редкие посетители кафе прикусили языки. Маленький Макс зажал рот обеими ладошками. В тишине, от которой пахло кровью, зверь ждал разрешения.

III

– Нет, – сказал Диего Пераль.

И встал, давая понять: разговор окончен.

Что ж, подумала Эрлия Ульпия. Кроме пряника, у нас в запасе имеется кнут. Длинный витой кнут для любовных утех. Он вам понравится, сеньор Пераль. Благодарим за ваш выбор, постоянным клиентам скидка.

Условия для клеймения были идеальные. Прямой визуальный контакт, расстояние меньше двух метров, уединенная беседка. Все чувства, какие Эрлия испытывала по отношению к этому варвару, упрямому эскалонскому ослу, все эмоции, включая физическое влечение, гасли, улетучивались, шли на дно. С раннего утра Эрлия втайне знала, что этим дело и кончится – клеймением. Знала и, как бешеная, боролась с подступающей бесчувственностью, безразличием к объекту – диктатом физиологии урожденной помпилианки. Пока оставался хоть крохотный, размером с ноготь, шанс решить вопрос уговорами, следовало работать привычным арсеналом: обаянием, настойчивостью, похотью, наконец. Раскидывая перед сеньором Пералем скатерть-самобранку, предлагая то и это, как дешевая шлюха всучивает клиенту вялые сиськи и дряблые ляжки, Эрлия давила из себя чувственность: зубную пасту из тюбика, гной из нарыва. Ей-богу, проще было бы силой воли остановить месячные, если подошел срок. Она возликовала всей душой, когда варвар – о радость! – уперся рогом. Ликование стало последним всплеском, кульминацией, за которой началась развязка: равнодушие полное, окончательное, обжалованию не подлежит. Перед обер-манипулярием Ульпией сидела ботва, чье предназначение – стать рабом. Ботва что-то чуяла, пальцы ботвы ласкали эфес рапиры.

Поздно, хладнокровно оценила Эрлия.

Не успеет.

– ...успеется! – откликнулось издевательское эхо.

Губы ботвы не шевелились. Мужской голос, шершавый и насыщенный баритон, долетел снаружи. Резкий возглас клином вонзился в рассудок Эрлии – рассудок? единый комок, собравшийся вокруг клейма, как пальцы собираются в кулак вокруг свинчатки! – и нарушил

волевою цельностью. Дело было не в голосе. Баритон, тенор, фальцет – ерунда. Эрлия еще не понимала, что остановило ее, она вообще ничего не понимала, но...

– Вы же хотели свести знакомство...

– Я?

– Вы!

Никогда в жизни Эрлия не зависала на грани так надолго. Великий Космос! Много ли времени требуется помпилианцу, чтобы нырнуть *под шелуху*, утаскивая ботву за собой? Вдох-выдох, вдох-выдох, и ты на месте. Эрлия уже видела снег на жухлой траве, степь, придавленную серым брюхом неба, чужла запах раскаленного металла. Клеймо ворочалось в костре, клеймо калилось впрок, требовало, взывало. Еле слышно звякнуло железо оков. Топорщились жесткие махры на веревках, сваленных в кучу возле деревянного щита – места фиксации ботвы. Стылый ветер пробрал до костей, плеснул в кровь адреналина. Еще миг, и...

– Ерунда. Ради персонажей, тем паче будущих, я и задницей не шевельну.

– Врете!

– Клянусь любовью публики. А уж ради вас – так точно.

– Вы нарушаете закон, Монтелье!

– Да неужели?

– Я подам на вас в суд! – баритон вкусно хохотнул над собственной шуткой. – Вы прочли мою мысль! Я как раз думал о вашей заднице. О том, как превосходно, как энергично вы бы шевелили ей ради меня!

– Было бы что читать, – брюзгливо обронил собеседник. – Я не копаюсь в мусорных баках. Обьедки, крысы, и ни на грош эстетики.

Судя по тому, что, выйдя на максимум, голоса не начали удаляться и глохнуть, случайные прохожие остановились рядом с беседкой, где укрылись Эрлия Ульпия и Диего Пераль. От возвращения в реальность Эрлию затошнило. Казалось, женщину за волосы выдернули с большой глубины на поверхность, и кровь вскипела пузырьками выделяемого газа, блокируя кровоток. Нет! Ее силой сорвали с любовника на пороге оргазма, не дав пересечь заветную черту. Нет! Что за пример ни возьми, любой ущербен. Помпилианцу, вынужденному резко прервать процесс клеймения раба, да еще сделать это собственной волей вопреки хватательным рефлексам клейма, уже начавшего «калиться» – о, такому помпилианцу требуется время, чтобы прийти в себя. Чудится, что мир не просто перевернулся – он вертится сломя голову, этот сволочный мир, и надо очень постараться, чтобы не сорваться с карусели в бездну.

Эрлии повезло: она не потеряла сознание. Она смотрела на маэстро, выпучив глаза, оскалив зубы до десен, и не замечала собственной уродливой гримасы. Мимика плохо возвращалась под контроль. В ответ маэстро глядел на Эрлию с напряженным вниманием, даже не догадываясь, какой скорбной участи только что избежал. Сеньора Пералья раздирали противоречия. Благородство требовало спросить, не нуждается ли женщина в медицинской помощи, прагматичность настаивала на скорейшем бегстве, дабы не влипнуть в историю.

– Куда же мы направляемся? – упорствовал баритон.

– Сейчас вы снова обвините меня в чтении ваших похабных мыслей. Так вот, должен вас разочаровать. Вам, Лардиг, хочется единственного: выпить. Чтобы это понять, не нужно быть телепатом. Для этого не нужно даже обладать минимальным жизненным опытом.

– Глупости! Я хотел...

– Вернуться на трибуны?

– Да! И вы по-прежнему утверждаете...

– Утверждаю. Вы весь как на ладони, Лардиг. Хлебните рому, и бегом на трибуны...

Голоса стали удаляться, но было поздно. Диего Пераль убрал ладонь с эфеса рапиры, отступил за порог беседки:

– К вашим услугам, донья Эрлия.

Он ушел. Проклятье! Он ушел, как ни в чем не бывало, он утратил статус ботвы, без пяти минут раба, и Эрлию трясло от бессильного бешенства. Она страстно пожалела, что вместе с возвращением Пералю звания свободного человека к ней самой вернулись чувства в полном объеме. Коктейль эмоций, испытываемых помпилианкой по отношению к Диего Пералю, был ядом, концентрированной отравой. Видеть, как добыча ускользает из когтей – мука мученическая. А что поделаешь? Вместе с олухом Лардигом, безвестным и бездарным баритоном, мимо беседки прогуливался Ричард Монтелье – гений режиссуры, звезда арт-транса, один из лучших телепатов Ойкумены! Великий Космос! Как некстати! Ментальный всплеск во время клеймения Монтелье, эта чуткая сволочь, засечет обязательно, какую бы двойную броню он ни воздвиг вокруг своего уникального мозга. Хорошо, что Эрлия вовремя услышала голоса: счастье, что сумела остановиться.

Кинуться за Монтелье – вот чего требовала волчья природа обер-манипулярия Ульпии. Кинуться за тем, кто встал между волчицей и ее добычей, вступить в схватку, вцепиться в глотку. Взять в рабы, наконец! Привязать ботву к щиту, выжечь клеймо, превратить в безвольного симбионта – для пяти пси-ипостасей Эрлии, вооруженных до зубов, это было рутиной. Но *под шелухой* Ричард Монтелье сделался бы не просто ботвой, личинкой будущего раба. Способности телепата изменяли облик Монтелье, угодившего в декорации вторичного эффекта Вейса, превращали в монстра, чудовище, зверя-мутанта. Пятерка Эрлий, щит к щиту, встала бы против носорога, обладающего подвижностью рыси, медведя гризли, обученного рукопашному бою. И численное преимущество грозило спастись перед мощью телепата, оформленной в сверхсиле и стремительности. Пользуясь космическими аналогиями, пять ипостасей Эрлии *под шелухой* становились коллантом, псевдоединим коллективом со сложными внутренними связями. Монтелье же оборачивался природным антисом, чье единство обусловлено рождением, а главное, не требует постоянного контроля.

Исход такой схватки был под большим вопросом.

В управлении болтали, что военный трибун Тумидус однажды сцепился *под шелухой* с криминальным авторитетом Бритвой, пси-хирургом высшей квалификации, имевшим за плечами не только два крыла – врожденный талант и соответствующее образование, но и спецподготовку на легендарной Сякко. Поклонники Тумидуса утверждали, что ему пришлось туго, но в последний момент, собрав в кулак всю мощь истинно помпилианской ментальности, военный трибун – тогда еще легат – могучим ударом разрушил мозг противника. Злопыхатели, каких у военного трибуна с его золотым характером людоеда было гораздо больше, чем поклонников, твердили иное. В их изложении Бритву прикончил вовсе не Тумидус, а его любимый раб, в разгар поединка размозживший Бритве череп – по одной версии, ледорубом, по другой, гвоздодером. Что вкладывали злопыхатели в парадоксальное для помпилианцев словосочетание «любимый раб», никто не знал, но бредовое определение повторялось с регулярностью навязчивой идеи. Эрлия даже предположила, что в дебрях психиатрии скрывается маниакальный синдром, извращенная идея-фикс – патология по имени «любовь к рабу» – и вот ее коварные проявления налицо.

К самому Тумидусу с расспросами подступить боялись – ледоруб, гвоздодер или кулак истинной ментальности, а военный трибун был скор на неуставные взаимоотношения.

Помпилианку еще трясло, но она взяла себя в руки. Появление Монтелье – случайность? Или нет? Слишком уж вовремя... Эрлия ненавидела подобные совпадения. Еще больше она ненавидела Ричарда Монтелье – за срыв клеймения, за гнусный пасквиль «Гнев на привязи», в котором режиссер насмеялся над трагическим разгромом армاد Великой Помпилии под Хордадом. Но вычислить, имел здесь место умысел, и если да, то чей, смог бы разве что гематр. В любом случае, в радиусе сотни метров от чертова телепата клеймить Диего Пералю нельзя. Где и когда теперь окажется Монтелье? – поди предугадай. Значит, варвара надо выманить из комплекса «Тафари» или вывезти силой.

А потом заклеить.

IV

...и вдруг зверь успокоился.

С горькой укоризной Голиаф поглядел на Давида, моргнул: «Эх ты, хозяин!..» – и вернулся в бесконечную лень, уместив огромную голову на передних лапах. По оледеневшему кафе пронесся дружный вздох облегчения, люди начали оттаивать. На лицах читался вопрос, один на всех: «Что это было?!» Вопрос остался без ответа; его даже не произнесли вслух.

– Голиаф не просто модификант, – тихо, чтобы слышал только Эзра Дахан, произнес Давид. Молодой человек прикипел взглядом к тарелке с харирой, словно умирал от голода. По его виску на скулу, сверкнув в лучах солнца, стекла крупная капля пота. Чудилось, миг назад Давиду отменили смертный приговор. – Все думают, что он – болонка размером с гору, причуда мальчика-мажора. Все и должны так думать. Голиаф – мой телохранитель. Дело не в мышцах, клыках и когтях. У него... Это называется: ментальные способности особого рода.

Давид шумно сглотнул: так дети пьют горькое лекарство. Чувствовалось, что ему тяжело говорить: не о специфике гиганта Голиафа, а о чем-то своем, личном, выстраданном. Лучи солнца сотнями золотых спиц пронзали ротанговую плетенку – символическое ограждение летнего кафе. Россыпь веселых зайчиков пятнала охристую шкуру Голиафа, превратив ее в объемную звездную карту сектора галактики. Когда рисунок созвездий на шкуре изменился, мар Дахан бросил взгляд поверх Давидова плеча сквозь ячейки ограды. Старый тренер не ошибся. По дорожке к кафе быстро приближалась высокая фигура. Солнце подсвечивало человека со спины, слепя глаза Эзре, фигура казалась высеченной из цельного куска антрацита. Черный ангел, сказал бы кто-нибудь, больше склонный к символике, чем гематры.

Да, отметил тренер. Диего Пераль носит траур.

– Вы имеете право знать, мар Дахан. Я не в курсе, открылась ли вам Джес... В любом случае, вам я доверяю полностью. Вы удивлены? Это не расчет, мы едва знакомы. Если хотите, считайте это интуицией или мальчишеской глупостью. В детстве мы с Джес побывали в рабстве, – говорить Давиду было трудно, а молчать – еще труднее. – Вы понимаете, у кого? Ну вы же понимаете, да?!

Мар Дахан кивнул. Когда гематр говорил о рабстве, это могло подразумевать один-единственный вариант – Великую Помпилию. Кивок вышел сухим, равнодушным даже по гематрийским меркам. Тренер рассчитал этот кивок, как в молодости рассчитывал завершающий укол. Вычисли Давид сочувствие сверх необходимого, он замкнулся бы в себе. Такое сочувствие граничило с оскорблением, с жалостью к безнадежному калеке.

– Нас довольно быстро освободили... Это долгая история, вряд ли вам интересно. Мы с Джес решили: больше никогда. Никогда! Лучше умереть. Дед одобрил; отец тоже. Голиаф – дедов подарок. Он чувствует ментальный всплеск при попытке клеймения за триста метров. Кого бы ни клеймили, он учует. Если я разрешу, он разорвет помпилианца в клочья. Если попытаются заклеить меня...

– Я понял, – вполголоса ответил тренер. Чуткие пальцы фехтовальщика сомкнулись вокруг узкого стакана с апельсиновым соком. Глоток, другой, и Дахан отставил стакан. Он не хотел пить, но нуждался в паузе. – В этом случае ему не требуется ваше разрешение, мар Штильнер. Разумная предосторожность. Выражаю свое восхищение авторами целевой модификации и предусмотрительностью вашего деда.

– Да, он нападет сразу. Без разрешения. Даже если я остановлю его прямым приказом, он не послушается меня. Кто бы ни захотел взять меня в рабство, этот помпилианец умрет.

Или раньше ему придется убить Голиафа. Но я стараюсь не бывать в таких местах, где можно убить Голиафа и не вызвать общественный скандал.

Тренер покосился на лигра. Одного присутствия Голиафа хватило бы, чтобы у самого отчаянного рабовладельца отпало всякое желание клеймить хозяина монстра.

– Мар Дахан, – Давид сжал кулаки, не замечая, что комкает скатерть и вот-вот сбросит со стола посуду. Волнуясь, молодой человек полностью утратил всякое сходство с сестрой. А может быть, Эзра Дахан просто никогда не видел экспрессивную, гордую Джессику в подобной ситуации. – Только что поблизости от нас кого-то пытались заклеить. Голиаф... Я верю его чутью. Представляете? Китта, «Тафари», турнир; вокруг – уйма народу, все веселятся... И кого-то берут в рабство. Дед прав, безопасности нет нигде. А я, дурак, еще надувал щеки, дерзил, что у деда паранойя...

– *Пытались* заклеить?

– Неудачно. Клеймение занимает время. Что-то помешало сукину сыну помпилианцу, и тот прервал захват. Иначе Голиаф не успокоился бы так быстро.

– Вероятность?

– Попытка взять в рабство – девяносто девять целых девяносто девять сотых процента. Одну сотую я отвожу на сбой программы модификации. Неудача – восемьдесят четыре процента.

Эзра Дахан встал, шагнул к ограждению кафе. Почесывая кончик носа, огляделся по сторонам, словно в поисках опаздывающего приятеля. Провел пальцем по «трещотке» ротанговых прутьев, выслушал ответную дробь, мазнул напоследок равнодушным взглядом поверх изгороди – и увидел ту, кого ожидал увидеть.

Метрах в ста от кафе на дорожке, ведущей к задкам трибун, стояла госпожа Эрлия. Притворившись, что поправляет прическу, она смотрела на Диего Пералю, мучающего киоск-автомат с газированной водой. Сенсорная панель была и осталась для эскалонца синонимом катастрофы. Выражения лица помпилианки отсюда не разобрал бы и человек моложе годами, чем старик-тренер, но мимика госпожи Эрлии в данный момент не имела значения. Четыре с половиной минуты назад эта женщина пыталась заклеить помощника Эзры Дахана. Девяносто девять целых, мысленно повторил тренер. Девяносто девять сотых процента. Хорошо, что сто-процентных вероятностей не существует. Хорошо, что гематры не мстительны. Гематры даже не злопамятны. Мы просто ничего не забываем и точны в расчетах. Иногда расчеты такие древние, что не сразу вспоминаешь их происхождение: «Око за око, зуб за зуб».

– Мар Штильнер, позвольте вопрос. Вы сказали: «Мы решили»...

– Ну да!

– У вашей сестры тоже есть телохранитель?

Тренер вернулся за столик. Можно было не торопиться. С вероятностью семьдесят девять и три десятых процента госпожа Эрлия повторит попытку клеймения Диего Пералю. Но сейчас – ни в коем случае. Ее спугнул не Голиаф, мастер откусывать головы. Ее спугнул кто-то другой, не менее опасный для помпилианки, чем исполинский лигр. А значит, госпожа Эрлия трижды взвесит «за» и «против», прежде чем клеймить сеньора Пералю во второй раз.

– Еще бы! Юдифь, та еще штучка.

– Львица? Тигрица?

– Королевская кобра.

– Модификантка?

– Ага. Здоровенная! На пятнадцать сантиметров короче Голиафа, если его с хвостом брать. Мы с Джес чуть животики не надорвали, когда эти красотки вздумали ростом меряться! Ну, или длиной...

Мар Дахан оценил своеобразное чувство юмора близнецов. А также взял на заметку тот факт, что Давид подвержен быстрым перепадам настроения. Это свидетельствовало об опреде-

ленной неустойчивости юношеской психики. Джессика, несмотря на варварскую эмоциональность, была уравновешенней брата.

– Я не видел вашу сестру с коброй.

– И не надейтесь! Джес стесняется Юдифи. Ее еще в школе задразнили, Джес, в смысле. «Сестры! Сладкая парочка!» Она отдала Юдифь деду в зверинец. Дед ей скандал закатил... Вы представляете: дед, гематр из гематров, и скандал! Пустое дело: у нас упрямство – семейная черта. Когда Джес у деда гостит, они с Юдифью спят в обнимку. А с собой никуда не берет. Вот, говорит, замуж выскочу, тогда ладно. Будет муж кобре на меня жаловаться. А так ко мне ни один парень не подойдет!

– Наверное, ваша сестра чувствует себя в безопасности, раз отказалась от кобры. Прошу прощения, мар Штильнер, я вынужден вас ненадолго покинуть. Скоро начнется важный бой, мы с Джессикой не хотим его пропустить. Вы к нам присоединитесь?

– Конечно!

– Обождите меня, пожалуйста. Я вернусь через пять минут.

Уединившись в кабинке туалета, Эзра Дахан заблокировал дверь и активировал сферу уникома. После чего набрал номер, оставленный ему аламом Яффе.

V

«Он. Не он. Возможно, он. Или нет...»

Луис Пераль рассказывал сыну анекдот о глупом купце, которому хитрый плут поставил условие: не думать о верблюде с тремя горбами. Диего Пераль сходил с ума, заставляя себя не думать об Антоне Пшедерцеком и доне Фернанде. Один это верблюд или два – не думать, не сравнивать, черт побери! В мозгу маэстро качались весы. На одной чаше лежал убийца, а на другой – случайный спортсмен. Господи, помилуй! Лекарство в этом случае оказывалось хуже болезни.

Шел поединок дня: Антон Пшедерецкий против серокожего тилонца, чье имя маэстро не мог запомнить, как ни старался. Алое облегающее трико создавало удивительный контраст с кожей инопланетника. «Живую статую», с головы до пят облитую стальной краской, некий шутник раскрасил в цвет свежей крови – оригинальный «дизайн» должен был раздражать противника. Но Антон Пшедерецкий ни малейшего дискомфорта не испытывал. Во всяком случае, не больше, чем во время любой другой схватки.

Они наблюдали за боем из ложи: маэстро, мар Дахан и близнецы Штильнеры. Да, еще ужасная зверюга, хвостом таскавшаяся за Давидом. Маэстро не знал, почему со всех сторон к ним не бежит охрана с сетями: вязать хищника. С другой стороны, Ойкумена безумна сверху донизу. Ад надо принимать таким, какой он есть, а не удивляться манерам дьявола. Голиаф безопасен? Хорошо, мар Штильнер. Не надо бояться? Вы очень добры, мар Штильнер. Извините, мне хотелось бы настроить обзорник.

Сообщи брат Джессики, что его монстр на завтрак растерзал дюжину невинных младенцев, Диего вряд ли отреагировал бы иначе. Съел? Я рад, мар Штильнер. У вашего чудовища превосходный аппетит. События валились на Диего Пераль из чертова рога изобилия, и предел насыщения был достигнут. Давид с Голиафом оказались за этим пределом.

Вот только зверь считал иначе.

Диего едва устоял на ногах, когда Голиаф, решив свести знакомство накоротке, потерялся о него боком – на уровне подмышки маэстро. Добившись внимания, лигр красноречиво мотнул башкой: давай, мол, чеши. Маэстро вспомнил рыжего котяру Веласкеса, отцова любимца: Веласкес вел себя точно так же. Плохо соображая, что делает, он принялся чесать гиганта за ушами. Мышцы вскоре заныли от усталости, но лигр грозно урчал и требовал добавки.

– Вы ему понравились! – в голосе Давида звучало изумление. – Он обычно первый не знакомится. Голиаф! Оставь в покое сеньора Пералья!

Зверь зевнул и облизнулся.

– Отстань, говорю!

Зверь облизнулся и зевнул.

– Ты! – сказал ему маэстро. – El Monstruo de Naturaleza!

Ну, согласился зверь. Гладь давай.

Прозвучал гонг. В воздухе повисли обзорники – гигантские увеличительные стекла. У каждого – свой; у близнецов – один на двоих. Джессика развернулась спиной к арене, по-детски забросив ноги на спинку пустующего кресла. Давид устроился бок о бок с сестрой. Спортсмены бились позади близнецов, изображение боя мелькало перед глазами Штильнеров. Диего понимал, что это в порядке вещей: для видеотехники – плевое дело. Но сидеть лицом к арене, разгороженной на площадки, для маэстро было привычнее. Время от времени он отключал обзорник и секунду-другую следил за боем невооруженным глазом, после чего восстанавливал картинку, пользуясь функцией повтора эпизода. Голиафа маэстро гладил, не переставая: это успокаивало. Вибрация могучего урчания впитывалась всем телом и растекалась по жилам доброй порцией вина.

– Голиаф, прекрати! Сеньор Пераль устал!

– Ничего, мар Штильнер. Мне не в тягость...

Мар Дахан тоже сидел к арене лицом, но от обзорника не отрывался.

Эрлия, думал Диего, следя за игрой клинков. А ведь я чуть не убил тебя, донья Эрлия. Сделай ты хоть одно угрожающее движение, выхвати что-нибудь, что я счел бы оружием... От тебя несло опасностью, женщина. Едкий, бешеный запах. Я тебя убил бы, угодил под арест, а на суде выяснилось бы, что я ошибся, что это не оружие, а гребень для волос, помноженный на технический прогресс Ойкумены. Почему мне кажется, что я в осаде? Вокруг – кольцо, везде – враги! Когда уже перезвонит Фриш? Честное слово, я не дожусь, пока коллант соберется; я рехнусь, сорвусь, убью кого-нибудь без повода... «Не загадывай», – учил отец. Он был тыщу раз прав: вот оно, заветное желание. Я побился с Пшедерецким об заклад, поспорил на исполнение желаний. Мой выигрыш, и Господь шлет донью Эрлию предложить мне месть. Женщина, ты – игрушка в руке Божьей! Господь лучше знает, что надо рабу Его. Значит ли это, что я должен покорствоваться? Отказаться от Карни? Бросить ее в адском космосе? Даже не пытаться разделить ее наказание – бесконечный путь на Хиззац?! Признайся самому себе, несчастный, скажи честно, как в ночь перед казнью – ты ведь не надеешься спасти Карни. Вся твоя надежда кроется в трех безжалостных словах: разделить ее наказание...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.